

КР ДР90(2)

Ц 451

Чезла карта ка тана Бэрри?

Как переплыть Берингов пролив?

СКОЛЬКО МОЖЕТ ПРОЖИТЬ
ТРИТОН?

Где искать самолет Леваневского?

Можно ли снова открыть полюс?

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ЗЕМЛЯ
САННИКОВА?

Почему закрылась охота
на мамонтов?

Михаил ИЛЬВЕС

ЗАГАДКИ СЕВЕРА

Магадан

Кр. 3270(2)
И451

Михаил ИЛЬВЕС

ЗАГАДКИ СЕВЕРА

**Книга
1-я**

**Библио-
течка
газеты
«Терри-
тория»**

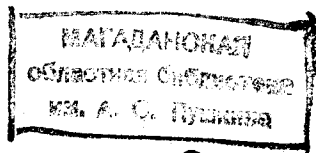
Магадан
Издано акционерным обществом
«Магаданская областная типография»

1994

М. А. ИЛЬВЕС. ЗАГАДКИ СЕВЕРА.
Магадан, издание акционерного общества «Магаданская областная типография», 1994 год, 192 страницы с иллюстрациями.

Журналист, много лет проработавший на Крайнем Севере, рассказывает в своих очерках, репортажах и интервью о загадочных явлениях северо-восточной части Азиатского материка.

942889

В книге использованы архивные фотографии, а также снимки Сергея Бурасовского (Москва, а прежде Магадан), Юрия Бухина (Петропавловск-Камчатский), Эдуарда Жигайлова (Москва), Михаила Ильвеса (Магадан), Виктора Маргаритто (Сусуман), Расула Месягутова (Магадан), Александра Нестеренко (Певек), Юрия Сальникова (Магадан), Рональда Ширдоуна (Анкоридж), Людмилы Шубиной (Магадан) и Василия Шумкова (прежде Магадан, а сейчас Рославль).

158N-0003311-1

*Как тяжко ищет человек
смысл собственного бытия
— и не всегда находит его.
Я хотел бы помочь в этом
своим детям —*

Александр и Елене.

КУДА ИСЧЕЗЛА КАРТА КАПИТАНА БЭРРИ?

Сейчас я уже не припомню, откуда я узнал об этой записке — она совершенно случайно была обнаружена в бутылке, спрятанной между камнями на одиноком скалистом островке Геральда в Чукотском море. На старинной бумаге, уже порядком истлевшей, между черными пятнами плесени с трудом разбирались лишь несколько написанных карандашом английских слов:

«...судно Соединенных Штатов «Роджерс»...лейтенант Роберт Бэрри... поисках «Жаннетты»... схематическую карту... помощи спасшимся... будем зимовать на сибирском берегу...» И стояла дата: «29 сентября 1881 года».

Согласитесь, для любопытных это не слишком много. Но для любознательных достаточно—достаточно, чтобы заинтересоваться вопросом и достать с полки энциклопедический словарь.

Да, именно в 1881 году американское судно «Роджерс» было отправлено на поиски пропавшей за три года до этого экспедиции Де-Лонга на шхуне «Жаннетта». Тогда-то оно и зашло на остров Геральда. А перед этим его экипаж провел первое серьезное исследование другого острова, которому в честь русского путешественника, предсказавшего его, присвоил имя Земли Врангеля. Но какова

связь этих событий с запиской, найденной в бутылке? Кому она была адресована? Что хотели сказать ее авторы? Ответов на эти вопросы не было. А услышать их было бы интересно, ведь с экспедицией «Роджерса» случилось немало приключений.

Записка эта пролежала на острове Геральда 73 года. А потом она попала в архив Ленинградского гидрофизического предприятия и пылилась там еще 17 лет. Наверное, мы бы и сейчас еще не знали о ней ничего, если бы в 1971 году ей не повезло попасть на глаза гидрографу Троицкому.

Как много в жизни нашей зависит от того, в чьи руки попадает дело! Эту самую записку в том же самом архиве видели многие и многие, но никого из этих людей она не остановила, ни у кого не вызвала желания прочесть ее — настоящего, страстного желания, перед которым расступаются преграды. Как много среди нас нелюбопытных — к сожалению.

Троицкий отправил записку в лабораторию реставрации и консервации документов, и оттуда она вернулась почти восстановленной. Воскрес потерянный был целый кусок истории!

Записка эта приводилась после расшифровки много раз — и в специальных изданиях, и в популярных. Можно было сделать это и здесь, но это отвлекло бы нас от темы. Поэтому я ограничусь публикацией только той ее части, которая имеет отношение к моему рассказу. Вот эти строки:

«На острове Врангеля в широте 70 градусов 57 минут северной и долготе 178 градусов 10 минут западной «Роджерс» поставил гурий, в котором можно найти схематическую карту этого острова, а также карту гавани Роджерса, находящейся в указанных координатах. Гурий сложен из обломков скалы наподобие этому, наверху его поставлены сани. Этот гурий находится на вершине левого из двух холмов, к северу от оконечности песчаной косы, образующей вход в гавань».

Итак, я совершенно не помню сейчас, где эта записка попала мне на глаза, но с этого момента мои мысли были уже устремлены к тому гурию на берегу гавани, в которой когда-то бросил свой якорь «Роджерс» и которая с тех пор в честь этого события носит его имя. Еще бы — в этом гурии лежала первая карта острова Врангеля! Я и сейчас помню, что в том сообщении о записке было сказано, что карта эта, выполненная капитаном Бэрри, так до сих пор никем и не была найдена и вероятнее всего и сейчас еще лежит в бутылке, осевшей в гряде камней на самом холме.

И вот ведь какая досада: я же совсем недавно был на этом острове! Если бы знать об этой записке чуть раньше...

Впрочем, можно ли было найти ее сейчас, среди зимы, под снегом? Не думаю. Так что огорчаться пока не стоит.

Да и сохранилась ли она вообще? Холм тот находится совсем рядом с нынешним поселком, а за эти десятилетия там столько народу поперебывало, что не попасть хоть кому-то на глаза она никак не могла. Да, вряд ли, вряд ли бутылка с запиской до сих пор там лежит. Но проверить—проверить все-таки нужно. Обязательно нужно. И я приступил к делу.

Прежде всего я позвонил своим знакомым на остров Врангеля. Мне ответили, что холмы эти стоят на том же самом месте, доступ к

Село
Ушаков-
ское
с птичь-
его
полета

ним в связи с полным отсутствием на них растительности никаких трудностей не представляется, но гурия замечено там не было. А стоящих на нем саней — тем более. Эта информация меня, разумеется, не обрадовала.

Начало оказалось неудачным. Но разве я не должен был такого ожидать?

Потом по этому же поводу я наведалься а Магаданское геодезическое предприятие. Там я попросил нанести на крупномасштабную карту окрестностей бухты Роджерса те координаты гурия, которые приводятся в записке. Это уточнение было необходимо еще и потому, что из текста было не совсем понятно его местонахождение. Я сказал уже, что в лаборатории записка была расшифрована почти полностью. Так вот, это самое «почти» как раз и относится к тому абзацу, который должен был навести меня на карту. Выглядит он так: «Опознавательный гурий находится на обрывистом берегу напротив оконечности косы. Этот второй гурий также сложен из обломков скал, в его центре установлен столб высотой 25 футов... направление на идущего... главное... на вершине четвертого холма».

Всего три неп прочитанных слова оставалось в этом в общем-то большом тексте, и надо же было, чтобы пришлось они именно на эти строки! Вот тут и могли помочь мне геодезисты: современные методы позволяют определять место с точностью до нескольких метров.

Моя просьба была выполнена быстро, но... но точка, в которой должна была лежать карта, оказалась в море — аж в 25-ти километрах от бухты Роджерса!

Это была вторая неудача. Но и ее

следовало ожидать. В самом деле, координаты же эти определялись не сегодня, а целых сто лет назад. Откуда в них могла оказаться современная точность?

Прошло какое-то время, и я вновь оказался на острове. Но не в связи с поисками карты капитана Бэрри, а совсем по другому поводу. Остров Врангеля известен как родильный дом белых медведей: каждую осень, подчиняясь инстинкту, сотни медведей сходятся сюда, отрывают в снегу берлоги и залегают в них, чтобы в начале апреля выйти

Белый
медведь —
символ
острова

оттуда уже с медвежатами и вместе с ними снова отправиться в путь по ледовым просторам океана. Вот об этом-то удивительном

и еще не до конца познанном явлении вскрытия берлог, и должен был я сделать репортаж. По этому поводу я провел несколько незабываемых дней на плато Дрем-Хед, где берлог сосредоточено особенно много, но не забыл и о холмах за поселком. Однако обследовать их я не смог. Потому что апрель на острове Врангеля отнюдь не весенний месяц, а зимний. И в это время все там еще покрыто снегом.

Но кое-что полезное для поисков карты сделать тогда все-таки удалось. Когда наш Ан-2 уже взлетел, чтобы взять курс на материк, я сфотографировал через иллюминатор бухту Роджерса, село Ушаковское на ее берегу и стоящие за ним холмы. Теперь записка с острова Геральд приобрела у меня уже наглядную конкретность.

К этому времени я уже вплотную приблизился к рубежу, за которым имела смысл лишь летняя экспедиция на остров. Однако выполнить ее было не просто. Аэродром для приема самолетов в Ушаковском располагается на льду все той же бухты Роджерса, и летом функционировать он, естественно, перестает, хотя лед полностью здесь и не тает. Надежда остается на вертолеты, но они летают только в ясную погоду, летом же, когда пролив Лонга вскрывается, над ним вечно висит туман, и преодолеть сквозь него 240 км до острова удастся крайне редко. Так что уповать можно было лишь на удачу — только на нее одну.

Должен сказать, что это только на бумаге история, которую я описываю, выглядит более или менее спокойной. В жизни все было иначе. Сначала мне представлялось, что задачу эту можно решить одним-двумя усилиями, и я начал ее штурмовать. Наткнувшись на препятствия, которые преодолеть сходу не удалось, я начал отчаиваться. Масла в огонь нетерпения подливала и информация о карте, на которую я время от времени наталкивался. В одной статье, например, говорилось: «При тщательных поисках, следуя указаниям найденного письма, может быть, и теперь еще можно найти эту первую карту острова Врангеля. Она представляет несомненный интерес как полярная реликвия и в то же время имеет и научное значение, будучи полезной для выяснения происшедших за 100 лет изменений в очертаниях берегов острова и являясь первичным документом, фиксирующим присвоение географических названий на острове». Как тут было не двигаться к цели? И только со временем, набив на этом пути синяки, я понял, что в подобном деле мудрым бывает тот, кто не спешит. В таких случаях нельзя идти напролом. Когда ситуацией командуют обстоятельства, умнее подлаживаться под них, тогда и успех придет быстрее. Я думаю, так вел себя и Тронций, когда искал письмо Норденшельда к шведскому королю. Он нашел-таки его на одном из островов Ледовитого океана, и через 100 лет оно было доставлено в королевский дворец

Стокгольма. Кстати, цитата, приведенная выше, принадлежит ему.

Итак, без летнего визита на остров поиск карты продвинулся вперед уже не мог, и мне оставалось только ждать случая. Тем не менее, история эта, как раскрутившееся колесо, уже продолжала свое движение сама собой.

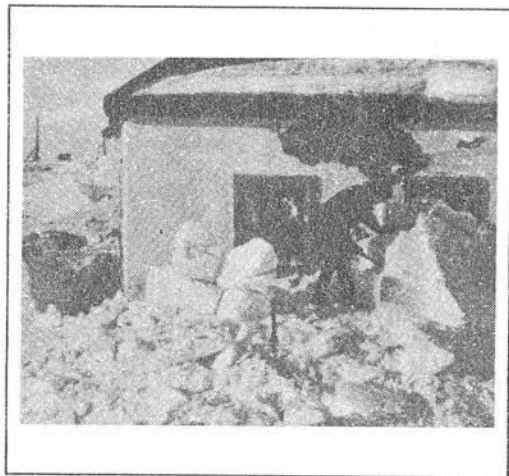
В одной из своих статей — кажется, связанной с островом Врангеля — я упомянул о карте капитана Бэрри, и этим фактом заинтересовались несколько энтузиастов изучения Арктики из разных городов страны. В письмах ко мне они излагали свои версии, предлагали свою помощь. Переписка с некоторыми из них не завершилась у меня и сейчас.

Пытался я искать эту книгу и в Америке. В самом деле, не могла же она быть составлена в единственном экземпляре! Но тут возможности мои были ограничены, и я не смог довести эту ветвь поисков до конца.

И вот настал, наконец, этот день — мне удалось долететь до острова Врангеля летом. И даже второе чудо природы, которое встретил я здесь, — громадное гнездовье белых гусей, прилетающих сюда из Калифорнии только для того, чтобы в здешних сверхэкстремальных условиях вырастить потомство — даже оно не смогло отвлечь меня от того холма на берегу бухты Роджерса, где должен быть гурей со спрятанной в нем

бутылку, в которой должна лежать карта, составленная больше ста лет назад.

Теперь, после стольких лет теоретических изысканий и после фотосъемок с воздуха место это я уже знал совершенно точно. И поэтому уверенно направился к нему.

*Сугробы
на
острове
убирают
с двумя
целями:
чтобы
открыть
окна
и чтобы
запас-
тись
водой*

На холм этот — левый из двух, как говорится в записке — взбежал я за считанные минуты. И в первую же секунду понял, что никакой бутылки обнаружить здесь я просто не мог. Потому что на месте этом оставили свои явные следы многие и многие люди.

На вершине холма стоял остов заброшенного дома, сложенного из таких же камней, которые составляли и сам холм. Уже потом мне объяснили, что в нем когда-то размещалась почтовая радиостанция, отчего и холм этот носит с тех пор название Почтовой сопки. Уже сам процесс строительства дома не оставлял шансов на сохранность здесь карты. Но я думаю, что найдена она была еще раньше. Любая пирамида, сложенная из камней, которой и является по сути дела гурий, на пологом и ровном просторе должна была привлечь внимание, поэтому до карты добрались еще первые поселенцы острова, которых привез сюда в 1926 году известный советский полярник Георгий Алексеевич Ушаков. Или это случилось еще раньше, когда на остров прибыли американские промысловики. Наверняка так оно и было. И сделал это человек не только не любознательный, но даже и не любопытный. Иначе чем еще объяснить, что не осталось в истории нашей никакой памяти об этой исторической реликвии?

Вот такая произошла у меня история. Да, разочарование, которое пережил я на вершине Почтовой сопки, было сильным. А ведь от обнадеживающего ее начала до обескураживающего конца минуло, наверное, лет десять. Обидно, конечно, когда столь долгий поиск заканчивается таким вот образом. Тут не утешает даже постулат о том, что отрицательный результат в подобных изысканиях — тоже результат.

Что оставалось мне делать? Только забыть эту историю. Правда, я еще «потрепыхался» немного — позвонил в Москву жене Ушакова, с которой был знаком, и спросил ее, не упоминал ли Георгий Алексеевич об этой карте в разговорах. Нет, ответила она, такого не было. С этими словами рухнула последняя моя надежда.

Значит, не судьба, подумал я. Что поделаешь, такова участь многих и многих полярных былей. Пропала ведь не только эта карта — печальный конец поджидал почти всех участников той эпопеи. Погиб лейтенант Путнэм, чьей рукой написана записка, — он ехал на собачьей упряжке по льду океана, попал в пургу и не заметил, как припай оторвало ветром и унесло в море. Погиб «Роджерс» — оставив карту на острове Врангеля и записку на Геральде, он пытался зазимовать у Северного мыса, но льды прогнали его отсюда, он спрятался в заливе Святого Лаврентия и уже там полностью сгорел. Погибли и «Жаннетта», на поиски которой ушел «Роджерс» — льды раздавили ее у Новосибирских островов, и только треть ее экипажа спаслась, дойдя до Якутского берега. Так стоит ли огорчаться своей мелкой неудаче, думал я.

Эта логика успокоила меня, и я действительно стал уже забывать всю эту историю, но оказалось, что на этом она не закончилась. И вот что произошло дальше.

Как-то, будучи в командировке в Москве, я зашел в один из попавшихся на моем пути по улице книжных магазинов — зашел только потому, что увидел через стекло витрины явно старую книжку, почему-то остановившую мое внимание. Я взял ее в руки и открыл на первой попавшейся странице. Передо мной был рисунок с очень знакомыми очертаниями. Конечно, это тот самый остров... Сердце мое застучало от далекой еще догадки, я опустил взгляд ниже и увидел под рисунком строчку: «Первая карта острова Врангеля, составленная капитаном Бэрри в 1881 году».

Неужели? Так просто? И вот для этого надо было искать ее столько лет!

Но тогда почему о ней совершенно никому не известно — даже историкам и географам? И как она попала в эту книгу? Может быть, это просто мистификация?

Я открыл титульный лист. Под названием «Моря Советской Арктики» стоял год издания — 1948, над ним имя автора — Визе. Нет, недоразумением это быть не могло. Сподвижник Седова, живая легенда Арктики, Владимир Юльевич Визе сомнительными материалами воспользоваться не мог. Значит, сохранился-таки еще один экземпляр карты капитана Бэрри — выжил, несмотря на все превратности судьбы.

Я еще раз всмотрелся в нее. Конечно, это была русская копия той самой карты — береговые очертания были нанесены очень точно. Тогда, подойдя к острову, которому

*Если вы
станете
подходить к
гнезду
поморника, он
следит вам
на голову
и начнет
клевать вас.
Скажите, разве
это не загадка?*

Бэрри по праву открывателя присвоил имя Земли Врангеля, и войдя в гавань, названную им бухтой Роджерса, капитан организовал три экспедиции. Одна из них, руководимая мичманом Хэнтом, отправилась в обход острова на запад, другая, с лейтенантом Уэрингом во главе, на восток, сам же он с несколькими спутниками пошел на самую высокую гору этой земли. Все три партии вскоре вернулись, и соединенные их усилия и воплотились в

карту. Я вижу на ней названия: мыс Уэринга, бухта Роджерса, пик Бэрри. Они и сейчас звучат так же. Сомнений у меня уже не было.

Я был в некоторой растерянности и не знал, радоваться мне или печалиться. С одной стороны — карта вроде бы нашлась, с другой — история закончилась.

Впрочем, почему закончилась? Ведь передо мной была лишь копия карты. А где-то же должен был существовать и ее американский оригинал.

Но где искать его? В архивах? В музеях? В библиотеках? А может, он лежит сейчас среди хлама на чердаке какого-либо дома и навсегда уже погиб там?

Было похоже, что теперь уже свои возможности в погоне за картой капитана Бэрри я полностью исчерпал, и надеяться теперь можно было даже уже и не на удачу, а только на чудо. И для этого мне оставалось рассказать об этой истории, что я и сделал. Моя статья под длинным названием «История о том, как была потеряна карта капитана Бэрри, как безуспешно искали ее, как она неожиданно нашлась и почему даже после этого поиск ее продолжается» вышла в американском журнале и у нас. И я снова остался один на один с ожиданием.

И представьте себе — чудо произошло! Оно оказалось в конверте, пришедшем с Чукотки, из самого северного нашего города Певека. Старый мой знакомый Валерий Ни-

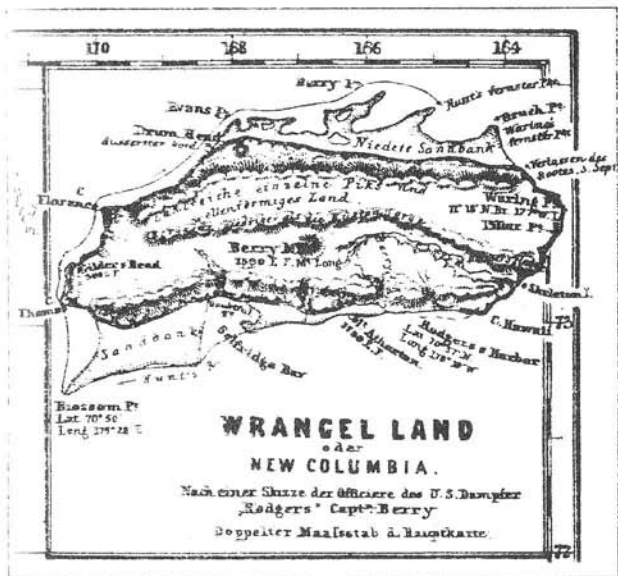

колаевич Купецкий после обычных приветствий и сообщений о новостях писал: «О карте Бэрри: «Роджерс» хоть и сгорел 30 ноября 1881 года в бухте Лаврентия, но команда и документы остались и приехали в Америку. Материалы экспедиции опубликовал (в том же году!) австрийский географ и картограф Август Петерман в своем журнале, который он издавал в Готе. Там, я думаю, должна быть и та вторая карта острова. Об этом сообщается в одной из книг В. Ю. Визе, изданной в 1926 году».

Конечно, я чувствовал, что карта должна была в конце концов найтись, но кто знал, что вместо обращения к целой половине человечества для этого надо было позвонить в заштатный наш городишко, где живет великий географ нашего времени — ученик Владимира Юльевича Визе, в голове которого разместилась целая энциклопедия Ледовитого океана?

Однако чтобы карта эта стала реально-стью уже совершенно материальной, должно было состояться еще одно чудо — надо было найти где-то этот редчайший журнал более чем столетней давности. И знаете, он нашелся! Единственный экземпляр его сохранился, оказывается, в главной библиотеке страны — в бывшей Ленинке.

Все остальное было уже, как говорится, делом техники: надо было доехать до Москвы, надо было выписать его, а потом в читальном зале открыть его на 40-й странице.

Она перед вами, эта карта. Я думаю, что в России она публикуется впервые.

между прочим...

Первую часть своей жизни Иван Петрович Ульвелькот провел в чукотском поселке Рыркайпий. Однажды во время охоты он так увлекся, что не заметил, как оказался на льдине, плывущей по морю. Ситуация была почти безнадежной, но его выручила нерпа, которую он добыл: мясом ее он питался, а шкура ее спасала его от пурги.

Через девятнадцать дней льдину прибило к мысу Биллингса, почти за 300 км от поселка. Ульвелькот преодолел их уже по тундре в обратном направлении и явился домой. Однако земляки не поняли его рассказа: мысленно они его уже похоронили, а такого, чтобы «верхние люди» возвращались на землю, на их памяти никогда не было. Поэтому Ивану Петровичу пришлось искать другое пристанище. Так он оказался на острове Врангеля. Там и состоялась вторая половина его удивительной жизни.

Я познакомился с Иваном Петровичем, когда он был уже стариком, но и в те времена в нем чувствовалась хватка, которая спасла его когда-то.

Похоронен Иван Петрович на высокой горной террасе, через которую проходит меридиан, разделяющий два полушария Земли — восточное и западное. Отсюда открывается прекрасный вид на просторы острова и моря. Это место он выбрал сам, когда почувствовал, что время его уже уходит.

СКОЛЬКО ЛЕТ МОЖЕТ ПРОЖИТЬ ТРИТОН?

Давно уже ходит по Колыме легенда: высыпал экскаватор из ковша очередную порцию мерзлоты, поднятую с глубины в несколько метров, а там в куске льда лежит замороженный тритон. Освободили его из холодного плена, положили в тепло — и он ожил!

Рассказ этот — не выдумка. Есть много людей, своими собственными глазами видевших такое удивительное превращение. У самых любопытных из них оно вызывает множество вопросов, и конечно же самый интересный из них — сколько времени тритон пролежал в мерзлоте?

Если тритон пробыл в замороженном состоянии лишь одну зиму, сенсации никакой не будет, ибо многие животные коротают это время года в состоянии оцепенения. Если несколько лет — уже загадка. Ведь анабиоз это все равно жизнь, для ее поддержания нужна энергия, и трудно представить себе, чтобы организм мог запастись ее единожды на столь длительный срок. Но все дело в том, что тритонов-то находят на очень большой глубине. Даже в шахтах. Не вчера же они сюда попали! И как объяснить уже эти факты?

И вот уже начинают появляться цифры. Какой-то журнал помещает сообщение об

оживлении тритона, пролежавшего в замороженном состоянии якобы тысячу лет. В другом случае радио увеличивает этот срок до пяти тысячелетий. Потом газета говорит о двух миллионах лет. Может ли такое быть?

С точки зрения современных знаний — нет. Однако же мы помним, сколько поправок в научные каноны вносилось даже в самое последнее время. Что тут говорить — даже сам факт выведения человека из клинической смерти еще совсем недавно отрицался, а сегодня прямо по городу бегают машины с надписью «Реанимация». Так что не стоит, наверное, категорически осуждать авторов этих сенсационных сообщений. Их устами скорей всего говорит мечта — мечта всякого любознательного человека встретиться с чудом и рассказать о нем людям.

Ну, а как смотрит на этот вопрос наука? Она признает только те объяснения, которые зиждятся на современных знаниях. «На Колыме были случаи находок тритонов в вечной мерзлоте и последующего их оживления, но значение их пока неясно» — вот такой грустный для романтиков, но справедливый по своей сути приговор вынес этому явлению один из исследователей.

Так что же, на этом и заканчивается история с ожившим тритоном? Нет. Оказывается, она имеет свое продолжение.

— Четырехпалый тритон или, как его еще называют, сибирский углозуб — пожалуй, самое экзотическое животное нашего региона,

— рассказывает заведующий лабораторией биоценологии Института биологических проблем Севера в Магадане Даниил Иосифович Берман. — Зверь в теплой шкуре, птица, согретая пухом — это в крае, где господствуют столь низкие температуры, согласитесь, понятно. Можно не удивиться в этом смысле даже лягушке — она переживает холод в непромерзающих водоемах. Но тритон-то зимует на суше! А здесь условия крайне суровые... И когда мы приступили к планомерному изучению этого земноводного, то оказались перед задачей со многими неизвестными.

Кто сказал, что все в этом мире уже известно? Смотрите — за тайной вовсе никуда не надо ходить.

— Тритон, о котором идет речь, — продолжает Д. И. Берман, — далеко не редкость, он обитает на громадной территории от Урала до Тихого океана и от лесостепи до полярного побережья. Мы обследовали, например, 315 водоемов в верховьях Колымы и нашли его в 95-ти из них. В отдельных местах он встречается просто в очень большом количестве: на 100 метров берега приходится девяносто кладок. То есть это обычный для наших мест вид. Тем не менее, даже охотники часто не знают его, они уверены, что углозуб — ископаемое животное.

Видите, случается даже так. И не так уж редко. Однако самое интересное еще впереди.

— Уже первые эксперименты по изучению тех процессов, которые позволяют тритону успешно переносить длительное замораживание, дали поразительный результат. Оказалось, что главную роль играет здесь печень:

в конце августа, когда углозуб залегает в спячку, она составляет около трети его общего веса, а уже через двенадцать дней пребывания животного при низких температурах резко уменьшается в размерах. За это время происходит перестройка всего организма — гликоген перерабатывается в глицерин и разносится по всему телу. Именно эта реакция и спасает тритона: глицерин, имеющий низкую температуру замерзания, играет роль антифриза и предохраняет клетки от гибели. Сам тритон покрывается ледяным панцирем, а ткани его остаются мягкими. И даже при очень больших морозах его организм продолжает перерабатывать энергию — стало быть, продолжает жить.

А сколько все-таки лет тритон может пролежать в мерзлоте? На этот вопрос получен, наконец, первый достоверный ответ. Киевский зоолог Н. Н. Щербак добыл с глубины одиннадцати метров вмерзшего в лед тритона и оживил его. Животное благополучно прожило у него полгода, а затем с помощью радиоуглеродного анализа был определен его возраст. Нет, ему не было миллиона лет. Не было даже и тысячи. Но тритон находился во льду, как выяснилось, 90 лет. И жил! Всего 90. Невелика, кажется цифра, но она вполне достаточна для того, чтобы констатировать: перед нами новая загадка природы.

— Девяносто лет, — заканчивает свой рассказ Даниил Иосифович, — это пока единственный достоверный факт, которым

мы располагаем. Он говорит о принципиальной возможности чрезвычайно длительного анабиотического состояния с очень малым расходом энергии. Овладеть человеку этим механизмом было бы крайне важно — прежде всего в интересах медицины.

Овладеть человеку было бы крайне важно... Между тем, дальше статьи Д. И. Бермана решение этой проблемы пока не продвинулось. Почему? Причины много. Это и нынешняя перетряска нашей науки, всегдашнее наше отсутствие денег, это и чье-то равнодушие.

Пока же на эту тему идет переписка:

«Я получил письмо от французского ученого, который пишет, что в одном журнале он прочел заметку о том, что, якобы в вашем институте профессор Берман оживил саламандру. Соответствует ли это извещение реальным фактам и работает ли там профессор Берман?...»

«Я считаю, что Ваша статья представляет несомненный общепрофессиональный интерес, и в определенной мере даже связана с теоретическими проблемами реаниматологии...»

«Настоятельно рекомендую вновь послать Вашу работу в журнал...»

— Существуют темы, — считает Д. И. Берман, — которые должны отлежаться. О них знают, известна и цена их, но до поры до времени они бывают не востребовааны. Я считаю, что это судьба.

Может быть, это и так. Но это уже не биология. Это уже философия.

КАК ПЕРЕПЛЫТЬ БЕРИНГОВ ПРОЛИВ?

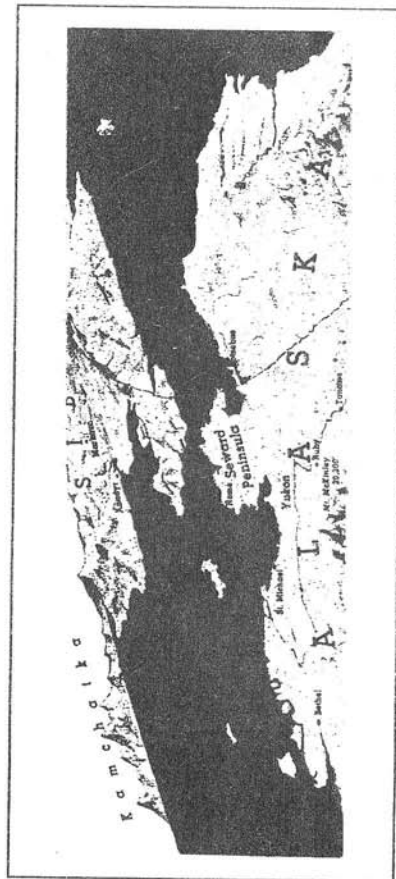
Берингов пролив — один из самых удивительных подарков географии. Даже в ряду таких замечательных мест, как Панамский и Суэцкий перешейки, как Босфор и Гибралтар, как Эверест или Байкал — даже в этом ряду он выделяется. Разделяя два величайших материка Земли и соединяя два ее океана, самый большой и самый маленький, пролив этот стал пересечением избранного природой Полярного Круга и определенной человеком линии перемены дат в календаре.

Берингов пролив начал интриговать людей задолго до его открытия: от ответа на вопрос, соединяются ли Азия с Новым Континентом, зависело очень многое. Поэтому-то и открывали его многократно. Семен Дежнев, Федор и Петр Поповы, Иван Федоров, Михаил Гвоздев, Кондратий Мошков, Алексей Чириков, Витус Беринг, Джеймс Кук, Фердинанд Врангель — к славе этих людей должен быть отнесен подвиг, начатый в 1649 году и длившийся почти два века.

Не оставляет равнодушными людей пролив и после открытия. И вот ведь парадокс — как перешейки, соединяющие материки, вызывают у человечества страсть к их перекопке, так и проливы, их разделяющие, возбуждают в нем стремление соединить их берега. Давно уже прорыты каналы через

Суэц и Панаму, недавно открыт тоннель под Ла-Маншем. С проливом между Азией и Америкой дела обстоят несколько сложнее, ибо он удален от обжитых мест. И, тем не менее, уже существует множество проектов переброски над ним моста и прокладки тоннеля под ним. Больше того, в свое время и Транссибирская магистраль, давшая Европе выход к Тихому океану, мыслилась продолжиться Трансамериканской дорогой, и соединиться два Великих Пути должны были именно над (или под) Беринговым проливом. По сути это был грандиозный планетарный проект, который позволил бы связать единой наземной магистралью противоположные берега Атлантики. Осуществиться ему, однако, было не суждено. Похоронил его 1917 год в России.

После этого Берингов пролив долго был границей двух миров. Жесткие рамки противостояния отбили у людей к нему интерес. Однако стоило пасть железному занавесу, как это чувство мгновенно возродилось. И начался настоящий бум преодоления: всего лишь за несколько лет Берингов пролив был пересечен многократно — на лыжах, на собачьих упряжках, на виндсерфинге, на легких самолетах и дельтаплане, на байдарках и каяках и даже вплавь. И в этом ничего странного нет. Пространство это, кажется, специально создано природой для человеческой интриги. Не хотеть преодолеть его нельзя!

Вид на Берингов
пролив из
воздуха

Давненко прицеливались к проливу и мы, трое магаданцев.

Еще несколько лет назад мы предложили американским авиаторам провести в Беринговом проливе совместные учения — симитировать аварийную посадку воздушного судна на воду с использованием в качестве средств спасения надувных резиновых лодок под парусом, которыми оборудованы самолеты. Как раз в это время стало налаживаться наше сотрудничество: между Аляской и Чукоткой была официально открыта воздушная линия, правительства двух наших стран подписали соглашение о совместном спасении терпящих бедствие. Американцы встретили идею с интересом. Мы со своей стороны провели даже тренировку поблизости от пролива. Однако к моменту старта экспедиции наши зарубежные коллеги оказались не готовыми к ней. Поэтому было решено провести ее в одностороннем порядке.

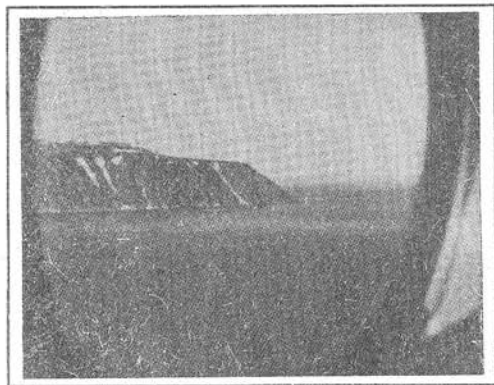
Да, мы не в первый раз плыли вместе. Но то были иные времена. А ныне шел 1992 год, мир праздновал 500-летие открытия Америки Колумбом. И почему нам было бы не попытаться открыть ее с другой стороны — правда, с некоторым опозданием, и только для самих себя, а не для всего мира? Годовщины, я думаю, существуют именно для таких целей. Иначе они были бы лишены смысла.

Так состоялась эта экспедиция. Ей было дано название — «Риск».

Итак, Берингов пролив. Десятью километрами водного пространства между крайней восточной оконечностью Азии — мысом Дежнева и крайней западной оконечностью Америки — мысом Принца Уэльского. Для времен, когда подготовленные люди переплывают океаны, это не очень много. Но для обычных людей — достаточно.

Почти посредине пролива, чуть ближе к американскому берегу, стоят острова Диомида: один носит имя Ратманова, второй — Крузенштерна. Между ними — государственная граница.

И вот три человека готовы. Три лодки взяты с собой. Три паспорта с визами в карманах. Можно начинать.

Мыс
Дежнева —
крайняя
восточная
точка
Азии

В аэропорту чукотского поселка Лаврентия, откуда мы намеревались принять старт, на стенде висит письмо из «Комсомольской правды». «Оргкомитет и редакция, — говорится в нем, — благодарят ваш коллектив за помощь в благополучном осуществлении перелета на воздушном шаре через Берингов пролив. В день перелета эта новость заняла первое место в рейтинге мировых сообщений».

За помощь в благополучном осуществлении... Кажется, тогда экспедиция целый месяц ждала благоприятной для перелета погоды. У нас такой возможности не будет. Но все равно сообщение, висящее на стенде, из приятных. В отличие от такой заметки, которая встретила нас в «Известиях» перед отлетом сюда. Она сообщала о поиске пропавших без вести людей в Беринговом проливе. «Несколько лодок, — говорилось там, — отправились в американский поселок Гембел, чтобы принять участие в эскимосском празднике. Хотя начался шторм — ветер до 50 км в час и девятиметровые волны — одной из лодок удалось достичь берега. Двум другим помогли российские спасательные суда. Еще две лодки благополучно вернулись домой. Судьба вельбота и кожаной байдары с 79 пассажирами неизвестна. Вместе с коллегами из береговой охраны США исчезнувших ищут летчики Комитета по охране государственной границы нашей страны».

Позже мы узнали, что людям этим удалось спастись. Но Берингов пролив был

действительно опасен — нам это известно было еще по опыту тренировки. И захватского отношения у нас отнодь не было. Об этом нас мог и не предупреждать председатель малого Совета Лаврентий Николай Александрович Пушнев, когда говорил:

— Я старый пограничник и долго прослужил здесь. Я видел всех, кто пытался переплыть Берингов пролив, начиная с барона де Росне. И скажу вам, что это нелегкое дело. Очень нелегкое. Вам будет трудно.

Однако хватит предисловий. Пора в путь. Под каждым из нас надувная резиновая ЛАС-5, что расшифровывается как «лодка авиационная спасательная грузоподъемностью в 500 килограммов». Ее длина три метра, а ширина — чуть больше метра. Мачта имеет двойное назначение: она держит паруса над водой и небольшой киль внизу. Он, этот киль, дает возможность лодке идти круто к ветру.

Место, с которого мы начинаем плыть, не самое близкое к противоположному берегу, зато оно позволяет использовать большую гамму ветров.

Кстати, тот, что дует сейчас, достаточно нам благоприятен, и мне жаль, что мы потеряли целые сутки, ожидая лучшего. Но что уже теперь поделаешь? Прошлого не вернешь. Хорошо, что путешествие, наконец, началось.

Ветерок хороший, и лодки наши движутся весело. Кто-то время от времени останавливается на пару минут, чтобы что-то подтянуть,

а что-то ослабить — дело обычное для первого дня. Но в общем идем недалеко друг от друга.

День ясный, солнышко светит. Хорошо просматривается остров Ратманова на горизонте. Мы правим немножко южнее его, потому что ветер должен все равно дать некоторый снос к северу, да и течение в этой части пролива, если верить лоции, может внести в наше движение поправку. Но пока все идет удачно.

В одной руке рулевое весло, в другой — веревки управления парусами. Постепенно находишь такое положение на дне лодки, в котором править удобнее. Время от времени руки приходится менять — нагрузка на них разная, и каждая устает по-своему.

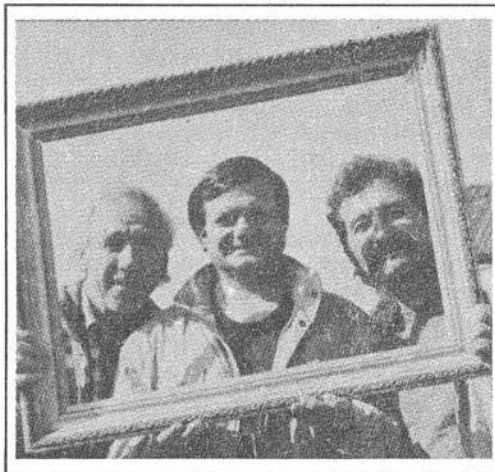
Дорога у нас длинная, можно и осмотреться. Лодки наши выглядят хорошо: сами они оранжевые, а паруса белые. Море уже раскачалось, но в меру. Вода чистая-чистая. И голубая, как в Черном море. Но впечатление это, конечно, обманчивое. Я знаю, что температура воды здесь около четырех градусов. Человек, попавший в нее, замерзает в течение нескольких минут.

Оглядываюсь — берег уже далековато. Высокий серый мыс, от которого мы отошли, уже смотрится не огромной скалой, а низенькой грядой.

Море кишит жизнью — кишит буквально. Из воды то и дело выныривают и тут же плюхаются обратно в пучину лахтаки и

нерпы. Возле лодки постоянно крутятся глупыши.

Экспеди-
ция
«Риск» в
полном
составе:
Александр
Насонов,
Александр
Сарычев и
Михаил
Ильвес

Вдруг где-то совсем рядом слышится могучий вздох. Поворачиваюсь туда — над водой взлетает фонтан. Конечно, это кит. Нет, даже два. Они пасутся здесь на планктонном поле. Мы попадали уже в подобную ситуацию в прошлом своем плавании, поэтому беспокойства такое соседство у нас не вызывает.

Да тут даже не два кита, а целое стадо! Громадные спины то здесь, то там всплывают над водой, потом плавно уходят вниз, и заканчивается этот китовый пассаж прощальным взмахом гигантского хвоста.

Смотрю на часы. Как быстро пролетели четыре часа! Берег сзади уже с трудом различается, но впереди ориентиры на месте — остров виден хорошо, хотя на взгляд он почти не приблизился. Это и немудрено, до него ведь и сейчас километров 60, не меньше.

Ветер, однако, заметно усилился. Волны стали выше и круче. Появились барашки. Лодки моих товарищей — а мы разбежались довольно далеко — проваливаются в волны уже по самую верхушку мачты, но это нам тоже знакомо. Конечно, усиления шторма не хотелось бы. Пусть осталось бы, как есть. Все-таки море слишком могучая стихия для наших лодочек.

Вдруг исчез остров. На весь горизонт легло сиреневое облако, за которым он и скрылся. Все произошло в считанные секунды, я не успел и опомниться. В душе начала подниматься глухая тревога: позади берега нет, впереди — тоже, одни только волны и ветер. Конечно, мы знаем, куда идти, у каждого из нас есть свой компас, но неприятен сам факт потери зримых ориентиров. И мы как-то непроизвольно стали сокращать между собой дистанцию.

Куда-то делось солнце. Сразу стало неуютно. И холодно. Как непростительно беспечно я поступил, взяв с собой только один свитер, да и то не самый теплый. Что-то надо предпринять, пока не поздно. Кто знает, может, скоро станет еще холодней. А может быть, и ночь нас застанет в море.

Но что же можно придумать? Вспомнил! Во время сборов на всякий случай я прихватил с собой большой мешок из легкого пластика, который нашел еще в прошлом путешествии на берегу пролива Сенявина. Из него можно сделать плащ, который хоть немножко защитит от ветра. Но чтобы достать мешок, нужно остановить лодку, для чего приходится ставить ее против ветра. Делаю разворот, и вот уже паруса свободно трепещут. Быстро открываю рюкзак, нахожу мешок, разрываю в его дне отверстие для головы, в углах делаю дыры для рук и быстро натягиваю его на себя. Гик — горизонтальная палка от паруса — нещадно молотит меня все это время по голове и плечам, но теперь уже все кончено.

Прекрасно! Сразу стало теплее. Всего-то минуту я был занят этим делом, но ребята оторвались от меня. Скорей догонять.

Как плохо все-таки, что исчез остров — теперь не видно, сильно ли нас сносит. Мне кажется, что снос был небольшим и надо держаться левее, но как сказать об этом товарищам? И согласятся ли они со мной?

О, море уже все в седых гребнях. Хорошо еще, что волны догоняют нас, а не бьют лодку сбоку. И все равно некоторые из них очень велики — как та, которая изображена на картине Айвазовского «Девятый вал». А мы по сравнению с нею так же ничтожны, как и несчастные люди, уцепившиеся за мачту корабля.

Курс уже держим на остров — вернее, на то место, где он должен быть за сиреновой завесой. Плащ-мешок уже не помогает. Вспомнил, что можно еще надеть жилет. Тоже еще беспечность — такой шторм, а он лежит у меня на дне лодки. Непростительно.

Тр-р-раш! — со страшным шипением гигантская волна рассыпается прямо за кормой. Слава Богу, не достала лодку. Если бы достала, то вместе с мачтой накрыла бы.

Где же остров? Мы уже вошли в туманную пелену, а его все не видно. Держимся ближе друг к другу. Где же все-таки остров?

Тр-р-рашш! — это опять девятый вал. Пора привыкнуть. Я уже понял, что меня он все равно не достанет — лодка летит за ветром быстрой волны.

Холодно. Мерзнут руки. Мерзнет голова. Руки еще как-то спасают перчатки, хоть и мокрые насквозь, а вот о голове я тоже не подумал — хотел отделаться модным американским кепи.

А на море уже настоящий шторм! И если перед нами вырастет полукилометровая громада Ратманова, то нас просто разобьет об эту скалу.

«Земля! Я вижу землю!» — кричит кто-то из нас. Где? Я весь в таком напряжении, что нет даже секунды выглянуть из-за паруса. Да и смерклось уже, а в темноте я вижу неважно.

«Смотрите! вон там! наверху! над облаком! кусок скалы виден!» — «Вижу!» — «Держим на него!» — «Понял!»

Тр-р-аш! Видно, к этому нельзя привыкнуть, и каждый раз все равно невольно оглядываешься на этот жуткий всплеск, хотя это так же бесполезно, как и пригибаться от пули после того, как услышишь ее свист. «Ветер поворачивает! Внимание, ветер поворачивает на восток!»

Да, действительно, это так. А мы идем прямо на восточный выступ острова, и укрываться нам будет совершенно негде. Но уже невозможно ничего изменить, остается положиться только на Бога.

И вот напряжение достигло предела. Мы летим, буквально летим по волнам, то взмывая на гребни, то проваливаясь в пучину. Все мышцы, все нервы, весь организм натянuty, как струна. Не дай Бог случиться сейчас какой-то аварии — оборваться какой-то веревке, например, порваться парусу или рухнуть мачте. Не дай Бог...

Уже совсем темно. Ночь и шторм царят, кажется, во всем мире, и нет ничего, кроме них. Нет никакой возможности отвлечься — хотя бы на мгновение. Даже поменять руки нельзя — это чревато катастрофой. Ни рук, ни ног, ни других частей тела нет. Остались только мозг и шторм.

Уже должна быть Земля. С нею страшно встречаться, но и миновать ее уже так же страшно. Где же, где же она?

«Держим влево! Остров там!»

Похоже, мы уже включились в какую-то жуткую вакханалию. Уже нет ни страха, ни усталости, осталась только веселая, удалая беспечность, когда все уже нипочем. Наверное, только так и можно выдержать это нечеловеческое напряжение.

«А теперь вправо, вправо! Надо искать!»

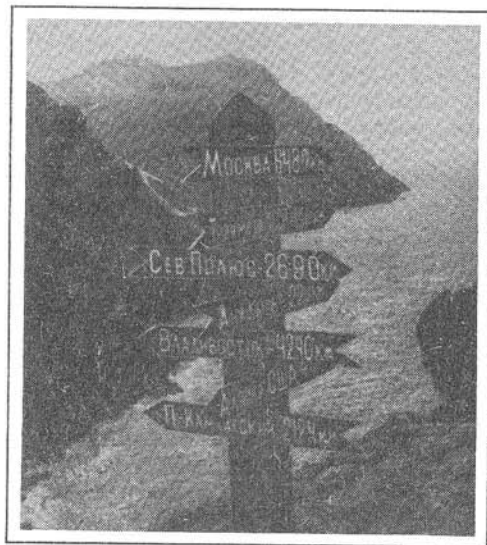
Мы идем уже совсем рядом — опасность сплотила нас, да и докричаться на расстоянии сквозь шум трудно.

* * *

Я не знаю, сколько времени прошло в этой безумной гонке — полчаса? час? два часа? три? Я не могу сказать, сколько длилась она. Но настал миг, когда мы поняли, что остров проскочили. А это значило, что теперь этот ураган несет нас уже по Ледовитому океану. И дорога назад отрезана. Вернуться, а значит, спастись, невозможно.

Я думаю, что не смогу объяснить свои ощущения тем, кто не пережил сам подобное. И тем, кто пережил, тоже не смогу. Если же говорить категориями общими, то в такие минуты человек встречается с Богом. Ибо понимает все. И самое последнее тоже.

Мы сблизились совсем, опустили паруса, связали лодки бортами друг к другу и выбросили за борт плавучие якоря. Теперь у

Этот
указатель
установлен
на острове
Ратманова

нас не было никакой работы. Мы молча сидели каждый в своей лодке.

Появились ноги, которые оказались мокрыми. Очнулись онемевшие руки. Откуда-то вернулось тело с мышцами и с радикулитом. И на весь организм навалилась усталость.

Что же делать нам теперь? Все спасательные средства в этой ситуации оказались бесполезными — даже такая могучая штука, как радиостанция системы «КАСПАС-САРСАТ», которая сигнал бедствия посылает на спутник и которая позволяет определить

точное место катастрофы. Даже если сейчас запустить ее — а делается это в течение нескольких секунд — то помощь придет не ранее, чем через двое-трое суток. При условии, что будет погода. Но к тому времени мы будем уже совсем в другом месте.

Физическое расслабление отключило защитный механизм организма, и теперь мы начали мерзнуть. Меня стало просто трясти.

Я натянул на себя еще одну куртку, но это не помогло. Я нашел брезентовый чехол, в который упаковывается лодка, и накрылся им, чтобы согреться от ветра, но меня продолжало трясти и под ним. Я пытался уснуть — ведь мы не спали уже сутки — но холод не давал сделать и этого. Началась борьба между холодом и сном, и кто бы ни брал в ней верх, плохо в обоих случаях было только мне. Становилось ясно, что эта напасть, свалившаяся на нас теперь, хуже шторма и той опасности, которую нес с собой Ледовитый океан. Спаситься от нее можно было только какой-то работой. Но что можно было сделать в тесной лодке?

Я снял жилет и надел куртку под него. На это ушло 2—3 минуты. Вычерпал воду — еще три минуты. Перевязал ванту, оттягивающую мачту назад. Поправил поклажу на носу. Но после этого все равно пришлось сесть на место. Я снова накрылся чехлом и начал снова трястись от холода.

Наверное, мы приняли единственно правильное решение в этом положении: на

средней лодке подняли парус и взяли курс на запад. В любом случае именно там должна была быть Земля — южный берег Северного Ледовитого океана. Может быть, Уэлен. Возможно, Ванкарем. Или, в крайнем случае, Мыс Шмидта. Но только там было спасение.

В этом состоянии и застал нас следующий день. С его рождением ветер стих, поднявшееся солнце развеяло туман, и мы увидели, где находимся. Наш теперь уже тримаран болтался на самой середине северного выхода из Берингова пролива, и громадная скала острова Ратманова поднималась из него во всем своем величии и совсем недалеко от нас. Но... но пойти к ней мы не могли. Ибо ветер дул как раз оттуда. Нам оставалось только идти на мыс Дежнева, который тоже был как на ладони. Идти, чтобы все начать заново.

* * *

Если вы думаете, что на этом мучения наши кончились, то вы думаете неверно. Но и мы, пережившие, казалось, все мыслимые невзгоды, не могли тогда предполагать, что набор их столь разнообразен, что его хватит еще на целых двое суток.

Чтобы не испытывать терпение читателя продолжением подробного рассказа и не переживать еще раз пережитое самому, я дальше ограничусь коротким изложением.

На этот раз нам предстояло еще одно, и совершенно неожиданное для нас испытание — испытание штилем. Пролив, широкий, как море, превратился в спокойное лесное озеро. Еще недавно мы метались среди волн и ветра, а сейчас ловим любое дуновение, чтобы хоть немного приблизиться к берегу, но не продвигаемся ни на сантиметр: случайная щепочка, плавающая в воде, часами стоит теперь рядом с нами.

Любопытную вещь обнаружили мы в это время: целые сутки во время шторма у нас не было никаких позывов к пище, и, что еще удивительнее, к воде. И что уж совсем необычно — к отправлению других естественных надобностей. Конечно, это был результат воздействия сверхэкстремальных условий. И даже ослабление общего напряжения, которое произошло после того, как три лодки были связаны вместе, не изменило этой реакции. В это время двое из нас троих отказались даже от глотка спирта, хотя в подобных случаях именно он и рекомендуется в качестве лучшего средства для снятия стресса. А вот сейчас, когда напряжение ушло совершенно, все эти человеческие потребности внезапно всплыли в нас. Страшно и поминутно хотелось пить — жажда была просто пустынной! А как на грех воды мы впопыхах взяли совсем немного — еще один непростительный промах.

Хотелось есть. Очень хотелось чего-нибудь горяченького. И всего остального хотелось

тоже. Все эти желания быстро разрослись до размеров страдания, и в конце концов стало ясно, что все они сконцентрированы на одном понятии — на понятии Земли. Да, они были направлены к той самой матушке Земле, на которой человек только и может жить. Потому что именно берег олицетворял сейчас для нас и огонь, на котором можно что-то сварить, и воду, и все остальное. И когда мы поняли это, то лихорадочно стали искать способ поскорее, как можно поскорее добраться до ближайших хотя бы камней, которые тянулись по горизонту.

И мы приняли решение снять паруса, убрать мачты и грести к берегу. Хотя лодки наши совершенно не предназначены для этого.

Шесть с половиной часов гребли мы без перерыва. Это была адова работа. Не физически — физически можно было выдержать и много больше. Она была мучительна психологически — своей муторностью и однообразием, потому что гребля не имеет разновидностей, своей безнадежностью, потому что лодки наши на веслах были удивительно тихоходными, и берег, сколько ни оглядывайся, стоял на месте.

Тяжко это было, но было время и подумать. Ну хорошо, размышлял я своим уставшим мозгом, моим спутником, здоровым и сильным, может быть, и нужно такое испытание. Даже наверняка нужно. Но мне-то в мои 56 лет — мне-то оно зачем? Вопрос

этот вновь и вновь всплывал у меня, и я не находил на него ответа. Может быть потому, что ответа просто не было?

Под конец этого пути я совсем обессилел. В это время просто невероятным усилием воли я заставил себя протянуть руку за фотоаппаратом, чтобы снять прекрасный кадр с вынырывающим между двух лодок китом. С трудом поднял его и с трудом нажал на кнопку. Сил уже не было. А когда грести оставалось уже всего медведь 200-300 и с берега вдруг потянул ветерок, я пришел просто в ужас от одной мысли, что не сумею под его напором эти метры преодолеть. Это ощущение напомнило то, которое я пережил в самый тяжелый момент шторма.

Ступить на берег мы не могли — ориентация у нас была потеряна. Равновесие мы не держали и опрокидывались навзничь. Так было у всех троих. Мы двигались, как в замедленной киносъемке.

Больше всего на свете хотелось спать. Я спрашивал себя: «Сумею я надуть матрац перед тем, как засну?» И чудом, казалось, делал это. Потом спрашивал: «А смогу снять жилет?» И снимал, представьте. «Ну, а хватит сил набрать из снежника воды?» И набрал. Поистине безграничны резервы человеческие!

Утром подул свежий северный ветер. Для преодоления пролива он был неблагоприятен, но под ним можно было плыть в поселок Лаврентия, чтобы оттуда вновь стартовать к американскому берегу. Так мы и сделали.

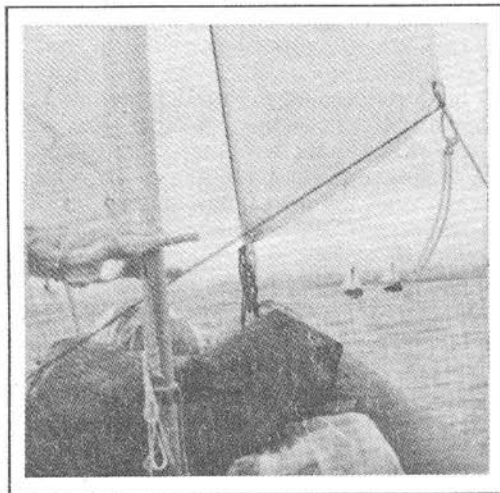
С мыса Литке, куда мы причалили накануне, я ушел первым. Пока ребята настраивали свой такелаж, я оторвался довольно далеко. А потом ветер разыгрался до штормовой силы, и я совсем потерял их из виду и так и шел все эти полсотни километров один.

Напряжение было столь же большим, как и в тот раз. И росло оно в такой же последовательности. Мое положение осложнялось еще и тем, что у меня в случае чего не было бы никакой поддержки, поэтому я боялся предпринимать какие-либо рискованные операции. Мои старания подождать товарищей ни к чему не привели — при всякой попытке лечь в дрейф сильный ветер рвал мои паруса. Пришлось идти.

Трудно далось мне пересечение залива Святого Лаврентия. От мыса Нунамо до поселка в этом месте 12 километров. Как раз в то время, когда я начал его пересекать, ветер стал заходить на запад, и опасность быть вынесенным в Берингово море стала совсем реальной. Это были тяжелые два или три часа — все на нервах и на мышцах. И только когда уже вечером из-под паруса я, наконец, увидел берег с бьющимся о него прибоем и трех пограничников на нем, я поверил, что и это испытание кончилось. Полчаса спустя причалили и мои товарищи.

Позади были трое суток и 260 километров пути — почти три ширины Берингова пролива, вместе взятые. Мы опять оказались в том

Экспедиция
в пути

месте, откуда вышли. Предстояла вторая попытка пересечь пролив.

* * *

Интересно, через сколько все-таки лет преодоление этих 90 километров станет для человека делом доступным?

Вопрос этот вовсе не столь уж риторичен, как может показаться. Вы помните о проекте соединения транссибирской и трансамериканской магистралей, который существовал в начале нашего века? Так вот — он сейчас

возродился. Уже существует международная корпорация по названию «Межконтинентальная железная дорога и тоннель через Берингов пролив». Ее представительства аккредитованы как в Вашингтоне, так и в Москве. Корпорация провела уже несколько конференций, на которых обсуждена проблема создания такой дороги. В общем, идея снова, как видите, пришла в движение. Но реально ли ее осуществление в обозримом будущем — хотя бы спустя сто лет после зачатия — в начале следующего, XXI века?

Думаю, что вряд ли. Еще не проведены даже изыскательские работы, нет, естественно, еще и инженерных проработок. А на все это требуется немало времени — сверх тех 20—25 лет, которые, по оценкам специалистов, уйдут на само строительство. Причем, прокладка самого тоннеля под проливом не будет иметь смысла без подъездных путей к нему с обеих сторон, а это ни много ни мало целых 6000 километров — вдвое больше БАМа. Наконец, и источники финансирования строительства пока только еще обсуждаются, а обойдется оно, как полагают, в 50—70 миллиардов долларов. Так что с одной стороны грандиозный проект вроде бы начал обретать реальные черты, а с другой... Нет, я думаю, что и дети наши еще не станут современниками тоннеля под Беринговым проливом. «Это вам не Ла-Манш!» — такой заголовок одна из газет дала к сообщению на эту тему, и она, конечно же, была права.

Так что водный перешеек между двумя величайшими материками Земли долго еще будет оставаться прерогативой увлеченных. И слава Богу!

Давайте же и мы вернемся туда — вернемся в наше путешествие. Оно уже близится к концу.

Вторая попытка пересечь пролив оказалась удачной. Экспедиция на этот раз стартовала уже не из поселка Лаврентия, а с мыса Дежнева, куда ее через несколько дней перебросили пограничники. Шестнадцать часов под северным ветром, достигавшим порой штормовой силы, потребовалось для перехода к острову Ратманова, который, к счастью, на этот раз не терялся из виду. Там, с трудом найдя свободное местечко на лежбище моржей, экспедиция позволила себе двухчасовой сон, а затем снова отправилась в путь, после чего через три часа достигла острова Крузенштерна, находящегося уже на американской стороне. А затем — и мыса Принца Уэльского. Так первый в истории переход через Берингов пролив на резиновых лодках был завершен.

* * *

Подведем итоги. Да, Берингов пролив пока не под силу любому любителю острых ощущений. Создается впечатление, что два океана, сходясь здесь, выстроили именно в этом месте природную перегородку специаль-

но для желающих преодолеть ее. И совершенно ясно, что будет так долго. Может быть, даже всегда.

В заключение же я хочу предложить вам интервью с одним из участников этой экспедиции, Александром Ивановичем Сарычевым. Помимо прочего оно интересно еще и тем, что для собеседника моего такое путешествие стало прекрасным профессиональным подарком. Ибо был он тогда начальником Магаданской авиационной поисково-спасательной базы. Итак...

— Подняться на Эверест, переплыть Ла Манш, пересечь Сахару — в наше время такого рода преодоления выбрали себе многие люди. Каждый из них имеет свое объяснение поступку, при этом интересно, что иногда человек вообще не может объяснить, почему он делает так. Например, великий альпинист Меллори, погибший при штурме Эвереста, на вопрос о том, почему он идет туда, почти наверняка зная, что за победу можно заплатить жизнью, ответил: «Иду потому, что Эверест существует!» А как вы объяснили свой поступок себе?

— Мне кажется, во всех подобных случаях есть нечто общее: это должно быть состоянием души. Или образом жизни. Так должны быть устроены все эти люди. Им постоянно требуется обновление жизни, и они ищут его. Вот и у меня так, я даже уже привык к этому — все время пытаюсь что-то новое освоить. И я скажу вам, что если бы это

было первое наше путешествие, то пролив нам переплыть не удалось бы. Опыт предыдущих экспедиций, конечно, сказался. Особенно сотрудничество с итальянской школой выживания Яцека Палкевича.

— Кстати, у всех нас в кармане дипломы об окончании этой школы, и тем не менее мне представляется, что мы наделали немало ошибок.

— Я не думаю, что их было слишком много. По большому счету беспечность была одна — мы недостаточно тепло были одеты. Хотя должны были догадаться, что, несмотря на середину лета, будет холодно. Кстати, тот же Палкевич рассказывал нам, как он замерзал при пересечении Атлантики, а ведь он шел в тропиках, а мы-то по Полярному Кругу. Что же касается других средств жизнеобеспечения, то в этом вопросе существует предел возможного. В крайней ситуации, в которой мы оказались при первой попытке, нас не выручила бы никакая радиостанция. Тут все зависело только от Бога и от нас самих.

— Я помню, как вы сказали тогда, что пожалели в ту ночь, что не знаете ни одной молитвы. У меня тоже были похожие мысли. А потом такие минуты тоже случались?

— Когда мы уже подходили к острову Ратманова, появились опасения, что мы опять проскочим его — ветер был опять сильным, и лодки наши начало сносить. Это были тяжелые мгновения. Мы с большим трудом

зацепились за него и спрятались за совершенно неприступной скалой, да еще и кишачей моржами, многие из которых вели себя просто агрессивно. И еще потом, когда мы уже подплывали к Уэльсу и когда волна перевернула мою лодку и я оказался в воде. Опасности там уже не было, ибо там мелко, и я встал ногами на дно. Но обидно было, что недосмотрел, хотя накат был действительно большим. Стоило расслабиться в самом конце пути, и сразу же последовало наказание.

— Вот сейчас, переплыв Берингов пролив, вы приобрели новый и, я думаю, очень ценный опыт. Вам, профессиональному спасателю, он нужнее, чем всем остальным. Он принесет какую-то конкретную пользу?

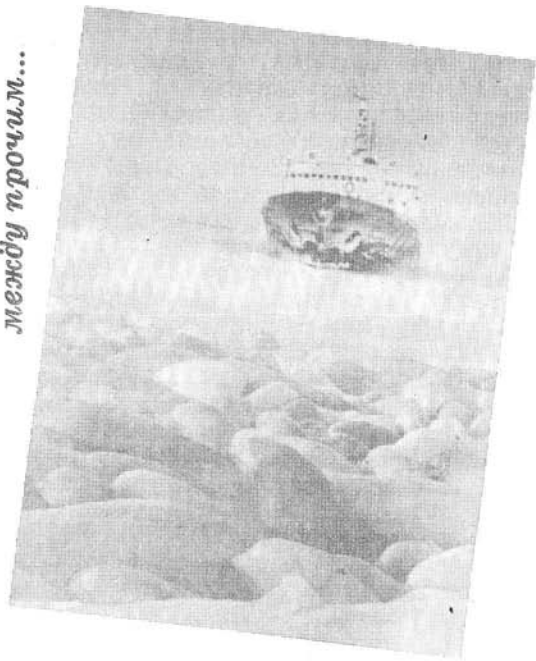
— Это сложный вопрос, ответить на него непросто, и вот почему. Конечно же, опыт этот бесценен, тем более для профессиональных спасателей, вся работа которых в значительной мере строится именно на опыте и на умении, в основе которого лежит тот же опыт. Вот вам пример: в поселке Лаврентия я встретился с эскимосом, которого постоянно привлекают к поискам пропавших людей, и он очень успешно справляется с этой задачей, хотя отнюдь не является профессионалом. В чем здесь дело? В опыте и в умении, построенном на нем. Он хорошо знает местные условия и легко вычисляет, куда мог деться заблудившийся человек. Откуда дул в это время ветер, где какая

глубина снега — по такого рода признакам с помощью, как говорил Шерлок Холмс, дедуктивного метода он определяет место поисков. И оно часто оказывается совсем не тем, где ожидали его другие. Так что подобного рода знания, приложенные к условиям данного региона, становятся бесценным достоянием. Я теперь точно знаю, что нужно делать, какими средствами пользоваться и как, чтобы спасти попавших в беду людей в районе Берингова пролива. Поэтому и наш опыт уникален.

— И последний вопрос: вот сейчас вы пошли бы еще раз через Берингов пролив?

— Нет. Это очень тяжело, как вы сами знаете. На такой шаг можно пойти только раз. Правда, когда меня спрашивали: «А за миллион долларов пошел бы еще?» — я отвечал: «За миллион — да. Но только за миллион».

между прочим...

За этой драмой напряженно следило тогда все человечество: в начале зимы в районе Берингова пролива чукчи обнаружили зажатое ледовыми полями боль-

шое стало белух. Полынья, в которой оно оказалось, и без того маленькая, на морозе быстро сокращалась, и животным это грозило гибелью. Начались лихорадочные поиски решения проблемы, и в конце концов было принято неординарное решение – послать на выручку белух ледокол. Мощное судно проделало проход во льдах, и по нему белухи вышли на свободную воду.

Пару лет спустя примерно там же ситуация повторилась, но уже не у советского берега, а у американского, и не с белухами, а с китами. Но на этот раз голову ломать уже не пришлось: попавших в беду морских гигантов выручил тоже ледокол.

ОТКУДА ПРИЛЕТАЮТ РОЗОВЫЕ ЧАЙКИ?

Как рождается в человеке особое отношение к какому-то предмету или явлению, когда он выделяет его из тысячи других? Чем привлекает он его? Часто на эти вопросы нет ответов. Так происходит и с розовой чайкой. Чем она привлекла наше внимание? Может быть, необычайно нежной расцветкой на бело-черном фоне северной зимы?

Сегодня об этой птице рассказывает заведующий лабораторией орнитологии Института биологических проблем Севера в Магадане доктор биологических наук Александр Владимирович АНДРЕЕВ.

— Чем объясняется ореол таинственности, который окружает эту птицу?

— Розовую чайку очень долго искали. Открыли ее только в 1823 году на Аляске и потом еще 80 лет не могли узнать, где же она живет. Она очень интриговала знаменитого Нансена — он считал, что гнездится она где-то в Ледовитом океане. И только в 1905 году русский исследователь Сергей Александрович Бутурлин нашел ее гнезда в низовьях Колымы. Любопытно, что способствовала этому открытию русско-японская война: она прервала снабжение Крайнего Северо-Востока России, и Бутурлин был послан туда специ-

ально для того, чтобы изучить экономическое положение этого края. Там, возле села Походск, он и встретил розовую чайку и ее гнезда, описал их и опубликовал свои работы в Англии. Эта была настоящая сенсация.

Вслед за ним свой вклад в изучение этой птицы внес человек интересной судьбы — американский гражданин норвежского происхождения Иоганн Курни. Прибыв с одной из экспедиций в Нижне-Колымск, он так влюбился в эти места, что решил остаться здесь для их изучения. Он собрал большую коллекцию, которую позже — после того, как во время гражданской войны он исчез — увез с собой в Норвегию Амундсен, зимовавший неподалеку отсюда.

После этого розовая чайка надолго исчезла из поля зрения биологов. Уже в 70-х годах нашего столетия, т. е. совсем недавно, чайка эта была обнаружена в Гренландии и в Канаде, на Таймыре и на Чукотке. И

родилась легенда, что размножается она в Арктическом океане — эта легенда и сейчас еще жива. Однако она не соответствует действительности. Сейчас уже можно считать доказанным тот факт, что родина ее — низовья якутских рек Колымы, Индигирки, Лены, Яны. А такие экземпляры, которые попадают иногда в иных краях, это исключение из правил.

— *Может быть, у этого вида есть особенности, которые характерны только для него?*

— Да, эта птица очень самобытна. Начать можно с того, что она не выкармливает своих птенцов — только первые три дня она смотрит за потомством, а потом птенцы расползаются по болотам, и на крыло уже поднимаются тогда, когда родители покинули эти места, но инстинкт ведет их вслед за ними. И тут проявляется вторая особенность розовой чайки — кольцевая миграция. Осенью она летит в Ледовитый океан и продвигается там постепенно в сторону Аляски, добывая в битом льду пищу. Затем, уже зимой, она в своей основной массе появляется в полиньях Берингова моря, к весне оказывается на Охотском побережье, откуда через внутренние районы Чукотки спешит на гнездовья, чтобы опять свить там на моховых болотных кочках примитивные гнезда, в каждом из которых будет всего-то от 1 до 3 яиц. Такая кольцевая миграция тоже совершенно уникальна для птиц.

— *Видимо, жизнь в суровых условиях выра-*

ботала у этих птиц особое приспособление к холоду?

— Лучшая защита от холода — хорошее питание. Надо думать, что с помощью рачков и моллюсков розовая чайка эту проблему успешно решила. Кстати, именно морские рачки, как предполагают, и придают ее оперению розовый оттенок.

— *Скажите, а определена ли уже численность этого вида?*

— Точно не определена, но ее примерно можно подсчитать. Если предположить, что на каждые 100 квадратных километров тундры приходится 2 пары, то получается, что всего розовых чаек должно быть около 100 тысяч. То есть это редкий вид. Если не знаешь, где надо эту птицу искать, то и не найдешь. Но поголовье это мобильно — случаются сезоны, когда оно сильно уменьшается. На Севере ведь на пять лет приходится в среднем только один благоприятный теплый период. Я подсчитал как-то, что из 100 отложенных яиц, т. е. из ста потенциальных чаек, до стадии полета доходят только 8—10, все остальное списывается на внезапные заморозки, недостаток пищи, на хищников, прочие напасти. Если же учесть, что в океане у розовых чаек тоже есть враги, то показатель этот надо еще снизить до 5 процентов. Это очень низкая эффективность размножения. Отсюда можно сделать вывод, что к современным условиям эта птица плохо адаптирована. Видимо, они заметно изменились.

— А в местном фольклоре розовая чайка присутствует?

— Вообще розовая чайка — это птица юкагиров, но говорится ли о ней в их фольклоре, я не знаю, ибо он мне незнаком. Что же касается местного населения, то оно эту чайку называет мартышкой и относится к ней с уважением, но в их песнях и сказках ее нет, ибо принесли они их с собой из тех краев, где поют соловьи.

— Сейчас кто-то ведет изучение этого вида?

— Пожалуй, нет. Средств на это не хватает. Зато в местах ее гнездования процветает «бердуотчинг» — своего рода соревнование в наблюдении за птицами. Этим экзотическим увлечением занимаются многие клубы на Западе. Они специально организуют поездки в разные страны, чтобы провести здесь состязания. Розовая чайка для них как раз очень привлекательный объект, ибо север Азии — это единственное место в мире, где она гнездится. Вот в дельту Колымы они и приезжают. Ежегодно там бывает 5—6 групп по 12—15 человек. каждый иностранец платит 100 долларов в день. Всех местных жителей этот бизнес, конечно, не прокормит, но кто-то на этом живет.

КАКОВА ЦЕНА СЕВЕРНЫХ СОКРОВИЩ?

Север России — это 64 процента ее территории, это 92 процента нефти и 94 процента газа, это почти все ее золото, все ее алмазы, четверть валового национального продукта и более половины всех ее валютных поступлений.

Нет даже смысла спрашивать о том, много это или мало — такой вопрос попросту был бы некорректным. Недаром, наверное, и слово «Север», как понятие территории пишется у нас с заглавной буквы. Однако знаете ли вы, что все эти богатства добывают для страны всего-навсего 15 процентов ее населения? Всего-навсего.

Тема сегодняшнего разговора — жизнь северян. А если еще конкретнее — жизнь человека на Севере. Рассказать об этом я попросил заведующего кафедрой основ медицинских знаний и охраны здоровья детей Международного педагогического университета в Магадане доктора медицинских наук, профессора Эдуарда Евгеньевича Шуберта.

— На Севере организм человека подвергается воздействию множества отрицательных факторов, но широкой информации у нас на эту тему нет: что-то по инерции еще счита-

ется скрытным, о чем-то предпочитают умалчивать. А как вы оцениваете эту ситуацию?

— Я считаю, что человек о себе должен знать все, и только тогда он будет свободен — он сможет сознательно выбирать себе место жительства и образ жизни. Но за свободой сразу следует ответственность — ответственность перед своим здоровьем, ибо свобода — и прежде всего, и в конечном счете — это здоровье. К сегодняшнему дню на Севере мы имеем поколение больных людей. Если говорить о наших детях, то почти все они имеют к 18-ти годам одно-два заболевания.

— Вы хотите сказать, что если была бы достаточная информация о северных факторах, то это положение было бы другим?

— Это во-первых. Поэтому-то сюда должен быть более жесткий отбор.

— Но едут-то сюда все, кто пожелает.

— Правильно. Однако желание это возникает у людей неординарных — обычные личности здесь не приживаются. Это как правило люди, которые вступили в конфликт с обществом или в межличностный конфликт, а конфликт это всегда продвижение вперед. Мотивами отъезда человека на Север могут быть хороший заработок, карьера в лучшем смысле этого слова, общественное признание и т. д. Здесь человек может добиться всего этого, но даже если у него не получилось, если он спился или опустил на общественное дно, это все равно подтверждает его незау-

рядность. Вот сейчас наш Северо-Восток стоит на первом месте по самоубийствам. Можно как угодно оценивать это явление, но оно тоже свидетельство силы, ведь это самое серьезное решение в жизни человека. И посмотрите, как меняются сейчас мотивы этого решения — уже практически нет самоубийств от любви, но есть от неправильных производственных решений, от конфликтов в коллективе. Короче говоря, здесь, на Севере, формируется особая популяция людей. Прежде всего, в смысле психологии. Я уже не говорю о здоровье — это совершенно особый вопрос. Я считаю, что восстановление соматического и психологического здоровья северян в последующих поколениях дорого обойдется государству. На себя я смотрю как на материал уже отработанный, но детей мне жалко. И своих детей в том числе.

— Вы давно на Севере?

— Тридцать три года.

— И дети ваши родились здесь?

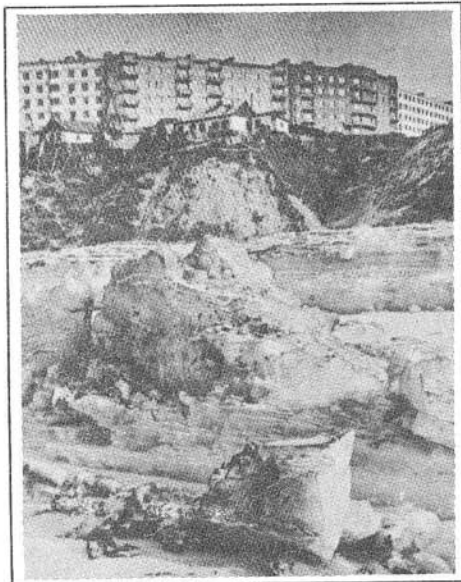
— Да. И я, как государственный служащий, надеялся, естественно, что государство, которому я служу, позаботится о нормальном существовании моей семьи здесь. Но этого не произошло. Практически ни одна семья этой заботы не получает. А ведь то, что государство получило и получает от освоения Севера, с лихвой окупило бы вложения на эти цели. Сейчас же происходит деградация местных трудовых ресурсов — большинство тех людей, которые здесь свое отработали, не могут даже

уехать отсюда, чтобы уступить место более молодым.

— Так все-таки мы, северяне, должны в полном объеме знать о том, что грозит здесь нам и нашим детям?

— Конечно. И однозначно.

Любой
северный
город —
это сочетание
не очень
хорошего
с очень
плохим

— В таком случае скажите, какова здесь средняя продолжительность жизни человека?

— У тех, кто сюда приехал, — 58 с хвостиком. Это средний показатель, не зави-

симый от пола. Но нужно учитывать, что мужчины живут на 10—15 лет меньше, чем женщины. У коренного населения этот показатель составляет около 40 лет. И надо помнить, что наши дети, родившиеся здесь, проживут меньше нас, ибо мы приехали сюда с определенным запасом здоровья, накопленным на «материке». А что касается людей второго и третьего поколения, то наука пока даже не знает радикальных способов выправления их здоровья.

— Есть ли у науки полная картина отрицательного воздействия Севера на человека?

— Известно уже многое. Прежде всего следует сказать, что Северо-Восток России это самая жесткая зона в смысле климатического воздействия. Главный фактор в этом смысле — холод. Он влияет на теплообмен организма, а от теплообмена зависит практически все остальное. Понизится температура, скажем, до минус 30 — у вас уже изменилось и дыхание, и работа сердечно-сосудистой системы. Большую роль играет продолжительность северного дня, ведь в районе Магадана 226 дней продолжается географическая зима. Если нет солнца, значит, нет и ультрафиолетовых лучей, а без них нет усвоения витамина «С», который играет в обмене веществ чрезвычайно важную роль. У нас мало витамина «Е», а он с витамином «С» работает в паре. В результате ваши клетки начинают работать со сбоями. Это не может не влиять на деятельность внутренних органов. Получа-

ется целая негативная цепочка, которая в конечном счете регулирует ваше самочувствие.

Дальше: если вы ездите в отпуск не каждый год, то есть если вы нарушаете нормальную периодизацию света и цвета, то у вас начинает возникать так называемая северная депрессия — вам не хочется работать, не хочется двигаться, вы начинаете

В самом сложном положении на Севере оказались те, для кого он является родиной

заторможено или, наоборот, возбужденно реагировать на детей, на друзей, на всех окружающих. Короче говоря, меняется вся система жизнеобеспечения вашего организма. И обратите внимание — только из-за изменения цвето- и светопериодики.

Можно ли эти воздействия как-то хотя бы уменьшить? Конечно. В каждом доме должны быть приборы для ультрафиолетового облучения. Когда-то они были в продаже, сейчас их не видно. Ими должны быть оборудованы и рабочие помещения, ибо северянин 22—23 часа в сутки проводит вне улицы. Обо всем этом думать должно государство. Нужно одеваться в одежду ярких тонов, это не требует особых затрат, зато повышает психологический тонус на унылом черно-белом фоне нашей зимы. И дома нужно ярче окрашивать, и все остальное тоже.

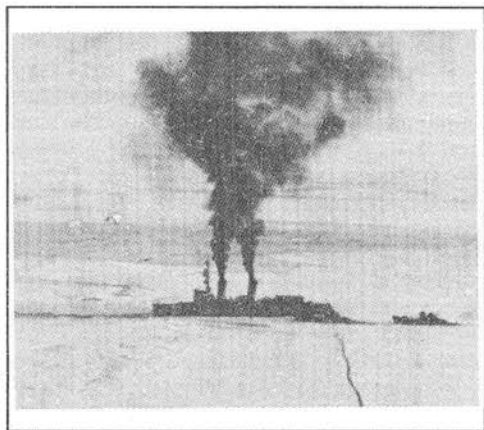
— *А что относится к незримым отрицательным северным факторам?*

— Смена атмосферного давления больше, чем на 10 миллибар, даже у здорового человека влечет за собой изменение физиологических параметров обмена, у нас же, в Магадане, такое случается от 3 до 6 раз в неделю. Отсюда головные боли или в лучшем случае тяжесть в голове. Ветер более 10 метров в секунду порождает одышку первой степени. Если вам 20 лет, вы ее не замечаете, но со временем она переходит в одышку второй степени. В конце концов вы поднимаетесь на четвертый этаж и уже замечаете,

что он именно четвертый. А если к этому добавить гиподинамию, т. е. недостаточность движений, которой страдают почти все северяне, и ожирение разной степени, то получится уже опасный комплекс. Если человек обо всем этом знает, то он заранее вносит коррективы в свой образ жизни, едва приехав на Север, если, конечно, дорожит своей жизнью.

Существуют и иные не проявляющиеся зримо факторы, осложняющие жизнь людей в экстремальных условиях. Например, продолжительность жизни красных кровяных телец, играющих, как известно, чрезвычайно большую роль в жизнедеятельности организма, обычно составляет 80—90 дней, у нас же они живут от 20 до 40 дней. Этот факт уже сам по себе является отклонением от нормы, однако он, кроме того, и увеличивает нагрузку на те органы, которые занимаются в организме утилизацией отходов.

Вода в нашем регионе не самого лучшего качества — она мягкая, выражаясь бытовым языком. Это означает, что в ней растворено очень малое количество необходимых организму элементов. Результат — болезнь почек. Кстати сказать, с особенностями местной воды связаны и многие другие параметры функционирования организма. Поскольку она слабо минерализована, то ее нам приходится пить больше, а это создает дополнительную нагрузку на сосудистую систему. Недостаток в ней йода увеличивает вероятность зобной болезни в тяжелой форме, вплоть до воспа-

Даже
ледовитый
океан
ощущает
пресс
цивилизации

ления щитовидной железы. Недостаток фтора влияет на состояние зубов. И так далее.

— А радиационный фон — он опасен?

— О нем я не буду говорить, потому что эта тема до сих пор засекречена. Нам же сейчас надо понять, что комплекс тех факторов, которые здесь воздействуют на человека, приводит к изменению общепромологического статуса. Поясню эту мысль: для природы важнее сохранение здоровья прежде всего женской популяции, ибо именно она накапливает это здоровье и передает следующему поколению. В этом смысле наши женщины заметно уступают жительницам центральных районов России. Дальше встает вопрос о том, будет ли

женщина иметь детей или не будет, а вопрос этот в социальном смысле означает, будет ли женщина счастливой или нет. Ведь главная функция женщины — воспроизвести себе подобного и притом здорового. Сегодня это у нас уже проблема. Я уже не говорю о количественной стороне — для нормального воспроизводства населения две женщины должны как минимум родить пятерых детей. Но многие родившиеся здесь девушки не смогут в будущем вообще иметь детей.

— Гм, каким причинам?

— Во первых, потому, что они родились здесь. Но к этой причине добавляется еще одна, и очень немаловажная — женщина не уверена, что она родит здорового ребенка. А ведь период воспроизводства, т. е. время, в течение которого женщина способна рожать, очень короток.

— Неужели проблема стоит столь серьезно?

— Именно так. Поэтому мы, взрослые, матери и отцы, должны предвидеть все это и учитывать это в своих планах. Недаром же Ельцин издал постановление об экологизации знаний. В отношении производства это постановление предусматривает, что первый заместитель руководителя должен аттестоваться по этой теме. Согласитесь, это о многом говорит. Мы же по сути не знаем себя. А северяне — тем более.

— Наверное, северный феномен разгадан наукой еще не до конца?

Современный способ добычи золота в своей основе не отличается от дедовского: металл по-прежнему извлекают промывкой.

— Да, вопросы еще остаются. Прежде всего — в области психологии северянина. Приведу один из примеров. Статистика свидетельствует, что 80 процентов замужних украинок, прожив на Севере 10 лет, на 11-й отсюда уезжают. А мужчины, как правило, остаются. Объяснений этому факту пока не найдено. Но он порождает и будет порождать в будущем целый ряд проблем — проблему разбитых семей, проблему разведенных матерей, проблему двухбрачия, трехбрачия и т. д. Познать это явление важно хотя бы потому, что Север все равно будет осваиваться. В этом смысле отношение государства к этому региону является тем оселком, на котором оно, это государство, проверяется.

— Но государство оплачивает нам коэффициент и надбавки, а также предоставляет ряд других льгот. Казалось бы, забота налицо.

Однако хотелось бы знать, насколько она адекватна потерям, которые несет на Севере человек — компенсируются ли они в достаточной мере?

— Работ на эту тему я не видел. Однако могу предположить, что если бы такие исследования появились, мы бы за голову схватились от сознания того, сколько нам недоплачивают. Смотрите: сокращение продолжительности жизни должно как-то компенсироваться? Должно. Хотя бы в денежном варианте. Но этого нет. Или другой момент: оказалось, что повышенная заболеваемость детей (в 5—10 раз по сравнению с нормой) увеличивает количество средств, выделяемых на оплату больничных листов для матерей. Спрашивается, почему бы эти деньги не направлять на сохранение здоровья здоровых? В этом случае мы получили бы крепких детей, крепкие семьи и крепкую популяцию. Но все это не делается. Скажу больше — за все прошедшие годы ни одно решение правительства по проблемам Крайнего Севера не было полностью реализовано. Начиная с первого, еще тридцатых годов, которое провозглашало, что Север будет осваиваться только мужчинами, только холостяками и только сроком до двух лет с последующим возвратом на территорию прежнего проживания через период полной санаторно-курортной реабилитации за счет государства. Между прочим, когда решение это писалось, еще не было никаких исследований по этой теме. К

его положениям пришли интуитивно, а сейчас это уже стало международным стандартом. Изменится ли сейчас что-либо в лучшую сторону? Сегодняшнее положение дел не дает оснований для оптимизма. Между тем, проблемы Севера по большому счету решить может только государство. Опыт других стран подтверждает эту истину.

— Но поскольку государство не спешит, проблемами выживания остается заниматься самим северянам. Скажите, есть ли какие-то разработки на эту тему?

— В Магаданском научно-исследовательском институте золота и редких металлов работает лаборатория прикладной экологии, которая занимается вопросами стабилизации здоровья северян. Существует специальный витаминный состав, чайная ложка которого обеспечивает суточную потребность человека в витаминах. Норильчане возят его к себе самолетами, мы же, похоже, даже не знаем о нем. Да, мы, к сожалению, достаточно невежественны даже в элементарных вопросах, о которых, живя на Севере, забывать нельзя. Например, грибы для нас это не просто закуска, а совершенно необходимый организму белок. Соль мы должны употреблять только черную, которой дворники посыпают дороги — она богаче столовой. Квашеная капуста в нашем рационе должна присутствовать постоянно, и даже сок ее ни в коем случае нельзя выливать, ибо он полезнее, чем лимон. В редиске нужно есть и корешки, и

вершки — в них витамин «С». Более рационально должны нами использоваться морепродукты. Мясо морского зверя — обязательно, в нем много железа, которого нам не хватает. Постное масло должно стоять на столе всегда, и лучше неочищенное. Как и перец всех сортов, ибо в нем все витамины группы «В». Шишки стланика очень полезны. И, конечно, ягоды — всякие и много. Они заготавливались даже во времена ГУЛАГа.

Иными словами, весь образ жизни на Севере человеку нужно пропустить через голову. Думать нужно. Если наша популяция будет отличаться разумным подходом к себе и к своему здоровью, то Север может стать красивой территорией.

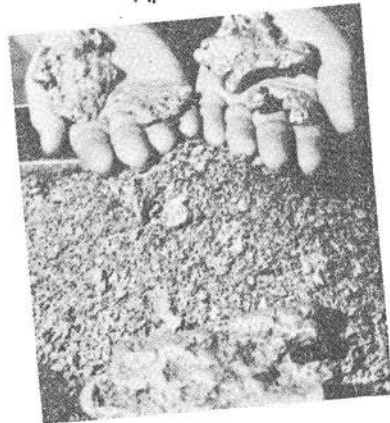
между прочим...

Приглядитесь к этим пейзажным узорам: крохотная букашка, расположившаяся в середине снимка, это на самом деле драга — огромный, водоизмещением в многие сотни тонн плавучий агрегат для добычи золота. Творение ума человеческого и одновременно — воплощение зла, которое творит человек. Ибо все то, что

вокруг драги — это изуродованная ею земля, которая навеки такой и останется.

А на втором снимке — золото, ради которого и изуродована эта земля. Тех самородков, которые лежат на ладонях, с лихвой хватило бы, чтобы залечить раны, нанесенные драгой, но человек жаден и не станет делать этого. Он пустит это золото на строительство новой драги, которая принесет ему новое золото. И — новый лунный пейзаж.

Такова печальная драма жизни.

КОГДА ВЕТЕР ПЕРЕХОДИТ В УРАГАН?

На южном берегу Северного Ледовитого океана, там, где Россия уже совсем близко подходит у Берингову проливу, стоит город Певек — между прочим, самый северный город в мире. Возник он на голом месте уже в советское время, и если бы его основатель большевик Пугачев знал, какая неприятность будет регулярно обрушиваться на его детище, он, наверное, поставил бы этот город в другом месте. Дело в том, что Певек постоянно страдает от ураганного ветра.

Дует он не из ледовой пустыни, как логично было бы предположить, а совсем с другой стороны — с юга, поэтому и называется южаком. Если дело происходит зимой, то предшествует ему резкое, в несколько десятков градусов, повышение температуры и изменение давления, поэтому многие люди, особенно пожилые, заранее чувствуют приближение южака. «Работает» этот ветер, как правило, в течение нескольких дней.

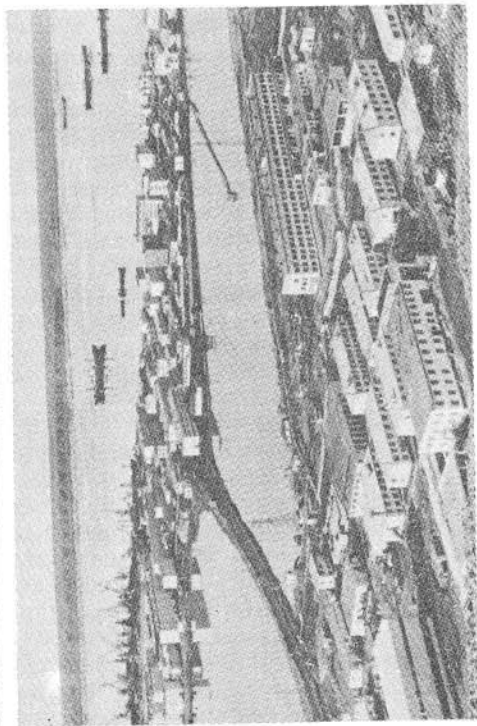
Сила южака огромна: он валит на землю порталы краны, носит по городу крыши домов, поднимает в воздух все, что плохо лежит, вплоть до таких предметов, как вельботы, рвет высоковольтные линии, а оставленные без присмотра железные бочки катит по льду океана до острова Роутан.

Естественно, что соседство со столь суровым проявлением стихии потребовало принятия чрезвычайных мер для обеспечения безопасности горожан. В Певеке постоянно работает штаб по борьбе с южаком. Уже давно выработан и официально введен в действие на период ненастья особый режим деятельности учреждений и предприятий: при скорости ветра в тридцать метров в секунду закрываются школы, при сорока от работы освобождаются женщины, при сорока пяти категорически запрещается всякое передвижение людей на улицах, и все горожане обязаны оставаться в тех помещениях, где их застал ураган, и дожидаться его окончания. Однако даже и эти суровые меры не обеспечивают полной безопасности, и время от времени беспечные люди становятся жертвой южака. Как правило, это те, кого ветер унес на лед и там заморозил.

Исследования южака начаты были еще до войны, и сейчас загадки он уже не представляет. Упрощенно суть его можно объяснить, если представить камень, лежащий в быстром ручье — позади его вода создает завихрения и бурлит. Примерно то же самое происходит и с воздушной массой в районе Певека, который лежит у северного подножья небольшой горной гряды, поднимающейся примерно на полкилометра посреди совершенно плоской тундры: южный ветер, огибая ее, и разгоняется в этом месте до силы урагана. Причем только в этом месте и нигде больше — стоит

отойти от города на 3-4 километра в любую сторону, и тот же самый ветер здесь уже теряет свою мощь.

Город Певек спланирован южакон:
все здания стоят либо вдоль этого ветра, либо поперек

Да, если б знать об этом природном механизме заранее, можно было бы выбрать для крупнейшего порта Восточной Арктики более удобное место, теперь же остается только приспособливаться к местным условиям. В первый период застройки города, когда архитектурная индустрия была на Чукотке еще слаба, дома в Певеке ставили вдоль ветра. Потом, когда она стала более серьезной, стали использовать другой прием: каждый новый микрорайон стал базироваться на доме-стене, закрывающей южак, в воздушной тени которой прятались детские сады, школы, клубы и магазины. Так и отражает современный Певек эти два принципа застройки — он состоит из одно- и двухэтажных барачных, протянувшихся с севера на юг, и из многоэтажек, стоящих поперек южака.

ГДЕ ИСКАТЬ САМОЛЕТ ЛЕВАНЕВСКОГО?

12 августа 1937 года в 18 часов 15 минут с Щелковского аэродрома в Москве курсом на Америку через Северный полюс взлетел самолет Н-209 с экипажем Сигизмунда Леваневского на борту, и с этого момента его уже больше никто и никогда не видел. Он исчез без следа и стал одной из величайших загадок нашего столетия. С той поры и до сих пор его ищут — вот уже больше полувека.

Конечно, все шестеро его пилотов погибли, в этом не оставалось сомнений уже через месяц после начала трансарктического перелета. Но человек так устроен, что жить спокойно рядом с тайной он не в состоянии. Сколько она будет существовать, столько он будет стремиться разгадать ее. И это свойство нашего сознания замечательно. Без него жизнь была бы неинтересной.

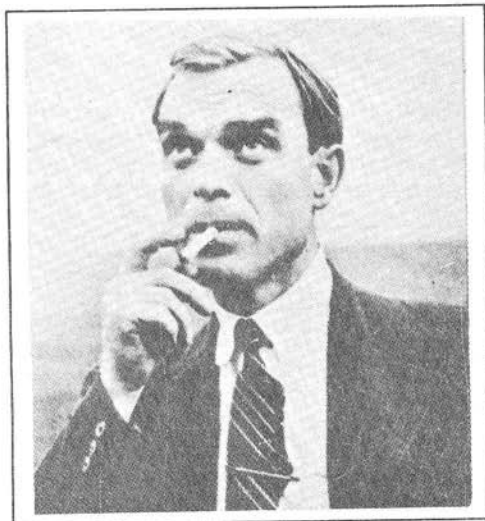
Сегодня я хочу предложить и вам стать участниками поиска. Предлагаю вам новую версию исчезновения самолета Леваневского — может быть, кто-то из вас своим участием в анализе обстоятельств этой катастрофы поможет прийти, наконец, к истине. Однако для того, чтобы изложить эту версию, мне придется напомнить вам все предыдущие.

Начнем с самых безнадежных. С тех, согласно которым самолет Н-209 оказался в пучинах Ледовитого океана.

Северный полюс самолет прошел в 13 часов 40 минут 13 августа. А в 14.32, когда Н-209 был примерно в 100 км за полюсом, в Москву от Леваневского пришла так называемая радиограмма Н 19: из-за порчи маслосистемы вышел из строя правый крайний двигатель, самолет пошел на снижение, на стенках кабины появился иней.

После нее обоюдной связи с самолетом уже не было. Можно предположить, что вскоре ему пришлось совершить вынужденную посадку на лед, которая, как считает известный наш штурман В. Аккуратов, была

*Сигизмунд
Леваневский —
пилот из
когорты
первых
Героев
Советского
Союза*

наверняка неудачной. Колесное шасси плюс отвратительная погода (вся Центральная Арктика в этот день была охвачена глубоким циклоном) делали приземление, пишет Аккуратов, равносильным аварии, если не сказать больше. А больше аварии может быть только катастрофа. Аккуратов считает, что произошло это недалеко от полюса.

Доктор географических наук Н. Зубов полагает, что Н-209 мог приземлиться на одном из ледовых островов, образованных ледниками, сползающими в океан.

Петербургский физик Л. Куперов полагает, что Леваневский тянул несколько часов и сел на 180-м меридиане примерно на полпути между полюсом и островом Врангеля. Эта версия подтверждается радиограммой, как будто принятой пароходом «Батум» в Охотском море, где указывались именно эти координаты и стояла подпись «РЛ». А «РЛ» — это позывные Леваневского. Сообщение, между прочим, получено 30 сентября, через полтора месяца после возможного приземления. А известно, что экипаж взял с собой на борт 180 кг продовольствия. При экономном расходе его должно было бы хватить именно на такой срок.

Итак, посадка на лед. Могла она быть? Разумеется. Однако еще по горячим следам весь этот сектор океана был тщательно обследован. 24 советских и 7 американских самолетов участвовали в поисках. Девять месяцев длились они. Было изучено в общей

сложности 68 тысяч квадратных километров, но никаких следов Н-209 здесь не оказалось. Не исключено, конечно, что самолет мог просто упасть на лед, пробить его и уйти в океанскую пучину, но вероятность такого исхода очень мала. Во время приземления все люди могли погибнуть, но машина-то остаться должна была. А ее нет. Может быть, это потому, что версии с посадкой неверны? Тогда обратимся к другим.

Согласно другим вариантам, Н-209 мог все же долететь до суши. На эту тему есть несколько свидетельств — правда, не до конца убедительных. Версий, основанных на них, по сути дела всего три. Начнем с самой маловероятной — она носит наименование якутской.

По этой гипотезе самолет Леваневского после выхода из строя правого крайнего двигателя именно по этой причине, а также вследствие тех трудностей, которые тогда возникали в работе навигационных приборов в высоких широтах, начал забираться вправо и в конце концов оказался в районе озера Себян-Кюэль в 400 км севернее Якутска, где попытался приводниться и затонул. Якобы еще в 60-х годах на берегу этого озера видели табличку, свидетельствующую об этом. Однако исследование озера специальными экспедициями положительных результатов не дало.

Вторая версия предложена действительным членом Географического общества Д. Алек-

Экипаж
самолета
Н-209

сеевым. Она основана на последней фразе последней радиogramмы Леваневского: «Посадку будем делать в 3400». Алексеев предположил, что цифра «34» означает здесь квадрат, которым на карте штурмана Н-209 обозначался район северного побережья Аляски и Канады, а «00» — это расчетное время приземления. Интересно, что как будто бы в подтверждение этой будущей гипотезы еще в конце 30-х годов появилась информация о том, что именно в этом регионе, а точнее у мыса Барроу, и именно в августе 1937 года местные жители сначала услышали рев моторов, а затем и увидели сам самолет, который плюхнулся в мелководье, после чего там долгое время стояло масляное пятно.

И, наконец, третья версия гласит, что Леваневский после отказа двигателя мог

свернуть к ближайшей земле — а ею была Гренландия — и приземлился там. Через 3,5 часа после той последней радиogramмы один радист в Якутске принял сообщение с позывными «РЛ»: «Иду на двух, пришлось снизиться, впереди вижу ледяные горы». Кстати сказать, автор этого предположения считает даже, что после посадки в Гренландии экипаж Леваневского сумел устранить неисправность, снова взлетел, но дошел только до мыса Барроу, где и упал в воду, когда закончилось горючее. Таким образом, и эта версия отсылает нас к побережью Аляски.

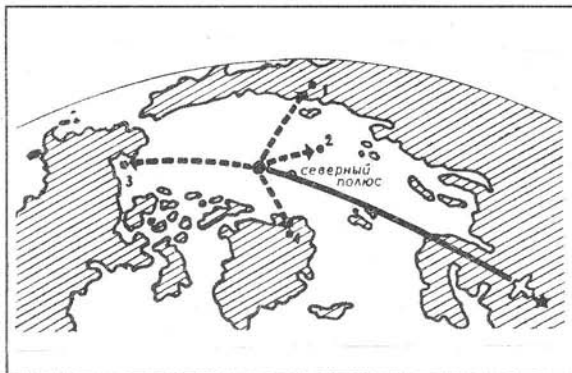
Подтвердилась ли она? Пока ответ на этот вопрос не получен. Специально для ее проработки американец Вальтер Курильчик из Калифорнии несколько лет назад создал компанию. Она провела некоторые исследования, но недостаток средств не позволил довести их до конца. Организовал в район мыса Барроу экспедицию и Музей Пионеров Авиации из Фэрбенкса, но сложная проблема эта пока остается открытой. И пока идет эта заминка, успела родиться новая версия.

Если сформулировать ее в форме постановочного вопроса, то выглядит она так: а не мог ли Леваневский под диктовку обстоятельств (а они, как нам уже известно, в тот день были очень сложными) самостоятельно, без согласования с Москвой и без огласки, изменить маршрут полета?

Если произошло именно так, и если Леваневскому все же пришлось пойти на

вынужденную посадку, то искать его самолет нужно либо в Гренландии, где после исчезновения самолета Н-209 облетов не проводили, либо в районе Канадского архипелага, который тоже не исследовался.

Тут самое время сказать, что эта версия принадлежит американцам. В последние годы они приложили, пожалуй, наибольшие усилия

Здесь представлены версии исчезновения самолета Н-209 — все, кроме последней. Цифрами обозначены вынужденные посадки в Якутии (1), в Ледовитом океане (2), у берегов Аляски (3), в Гренландии (4)

в деле поиска самолета Леваневского, и тот факт, что именно в этой стране появилась новая ветвь анализа обстоятельств этой трагедии, вовсе не удивителен. Однако авторы новой версии (этот маленький коллектив возглавляет Рональд Ширдоун из Анкориджа)

остановились сейчас перед несколькими проблемами, которые без помощи российских специалистов разрешить им трудно. Вот они.

Прежде всего их интересует принципиальная сторона версии: мог бы именно русский, а еще точнее — русский летчик, и именно тогда пойти на такое негласное изменение маршрута? Те русские летчики, с которыми авторам этой версии удалось поговорить сейчас, считают, что в наши дни такой оборот дела был бы возможен. А вот мог бы таким же образом поступить русский летчик тогда? И Леваневский в частности? Я бы на его месте, сказал мне один серьезный пилот, после отказа двигателя поступил бы именно так — пошел бы поближе к земле, это однозначно. А вот сообщил бы об этом или нет, этого не знаю, для этого надо было жить в те времена. Ответ на вопрос как раз и хотели бы услышать авторы версии.

Второй момент: американцы хотели бы получить весь документальный материал по полету Н-209 — данные самолета, стенограммы радиосвязи, хронологию рейса и т. д. Они подняли в своих архивах все эти сведения, но они часто расходятся с советскими. Их сопоставление могло бы прояснить многие моменты или даже повернуть поиск в каком-то новом направлении.

И, наконец, третье. Можно было бы сузить сектор поиска, если бы знать, какие пункты посадок планировались для Леваневского как запасные на пути к Фэрбенксу, куда он

*В. Ф. Болховинов —
конструктор
самолета
И-209*

держал курс. Возможно, такие сведения тоже сохранились — либо в документах, либо в памяти.

Итак, поиск обещал продолжение.

***

Более полувека прошло, а история эта не дает людям покоя. Поистине загадка века! Когда Ширдоун объяснял мне логику своего рассуждения, то для наглядности поставил передо мной глобус, а затем протянул по нему веревочку, которая соединила Москву и западное побережье США, куда летели и Чкалов, и Громов, и Леваневский. Действи-

тельно, Северный полюс лежал далеко в стороне от нее.

— Самолет Леваневского надо искать в Полярной Канаде — заключил Ширдоун. — Если он дотянул до материка, то скорее всего лежит на Баффиновой Земле.

Американцы серьезно подготовились к поискам. Они собрали всю ту информацию, которая была опубликована в прессе США тех далеких дней. Здесь удалось сделать два-три открытия, как будто бы подтверждающих новую версию. И, конечно же, они надеялись получить какие-то ответы по этой проблеме в Москве. С этой целью Рон Ширдоун и приехал в столицу России.

Интересный вопрос, кстати: на что можно было ему в этом смысле надеяться — сейчас, когда после события прошло столько лет, когда на эту тему опубликовано уже столько книг и когда практически не осталось тех современников, которые могли бы выступить в качестве свидетелей? Согласитесь, трудная это ситуация. Но, как оказалось, не безнадежная. Тем и прекрасен поиск — находит только тот, кто ищет!

В Москве Ширдоун познакомился с внуком Леваневского, с дочерью и внуком Галковского — радиста экипажа. Эти встречи не дали американцу новой информации, но он, кстати, и не рассчитывал на нее. Однако онинесли с собой нравственную ценность, ибо укрепляли его решимость докопаться, если это вообще возможно, до истины.

*Командир
экипажа
Леваневский
и второй
пилот
Костанав.
Говорят,
отношения
между ними
были
сложными,
и это чувст-
вуется по
снимку*

Я свел Ширдоуна с московским кинорежиссером Юрием Петровичем Сальниковым, который в свое время создал документальный фильм о Леваневском и в связи с этим тщательно изучил все аспекта этой проблемы. Он представил американцу видеокассету с записью своего фильма и ряд очень интересных документов, а также организовал ему встречу с Георгием Филипповичем Байдуковым, вторым пилотом экипажа Чкалова при перелетах его из Москвы на Дальний Восток и в Америку.

Эта беседа продолжалась несколько часов. Ветеран нашей авиации рассказал и о своих полетах, и о Сигизмунде Леваневском, которого он хорошо знал, и о воздушных судах того времени. Он не разделял точки зрения Ширдоуна о возможном отклонении Леванев-

ского от маршрута, но сведения, которые содержались в его рассказе, имели для американца, я уверен, большую ценность. Прежде всего потому, что они представляли собой непосредственное свидетельство той эпохи, о которой идет речь.

Вспоминая сейчас ту беседу, я думаю, что самым интересным и самым полезным для продолжения поиска был рассказ Г. Ф. Байдукова о радиограмме, которая не вошла в список тех 19-ти сообщений, которые поступили с борта Н-209 за время его полета и тексты которых многократно опубликованы и в наших, и в зарубежных изданиях. Об этой радиограмме сказал ему Беляков, штурман чкаловских экипажей, дежуривший тогда в штабе перелета. В ней говорилось, что штурман и радист переходят в заднюю кабину самолета.

Почему это могло случиться? Байдуков полагает, что такая передислокация части экипажа была вынужденной. Самолет этот, говорит он, не подходил для столь тяжелого перелета, и при обледенении, в которое он, как известно, попал в районе Северного полюса, могло начаться разрушение пилотской кабины. Такой вывод, добавляет Георгий Филиппович, подтверждается еще тем фактом, что сразу после этого связь с Леваневским пропала вообще. Дело в том, что в задней кабине, куда перешел вместе со штурманом радист Галковский, радиостанция была очень маломощной, рассчитанной только на наземное

обслуживание, и даже если передача сообщений с самолета после этого продолжалась, услышать их в Москве было уже невозможно.

Что мог сделать в этой поистине трагической ситуации Леваневский? Конечно, он мог, и даже должен был, повернуть к ближайшей земле. А ею в этот момент как раз и был Канадский архипелаг — если Леваневский не отклонился от предписанного ему маршрута. Если же это произошло, то эта земля просто-напросто была уже под ним. И он мог приземлиться там — при удаче, конечно. И такая удача вовсе не исключена. Об этом свидетельствует еще одна радиограмма, копия которой хранится у Ю. П. Сальникова. Она не совсем ясная, некоторые места ее вызывают вопросы, но в ней стоят позывные Леваневского. И цифры, обозначающие, как полагают многие, номер квадрата на карте штурмана Левченко, соответствующий координатам Баффиновой Земли.

Вот так неожиданно всплыли на поверхность важные вещи — в совершенно безнадежной ситуации казалось бы. Так что поиск вновь продолжился. Предстояла новая экспедиция. Принесет ли она результат? В любом случае — да. Потому что в предприятиях подобного рода отрицательный ответ тоже является результатом. Он будет лишь означать, что эта версия проверена и не подтвердилась. Что в Канаде самолета Леваневского нет. И что искать его нужно в другом месте.

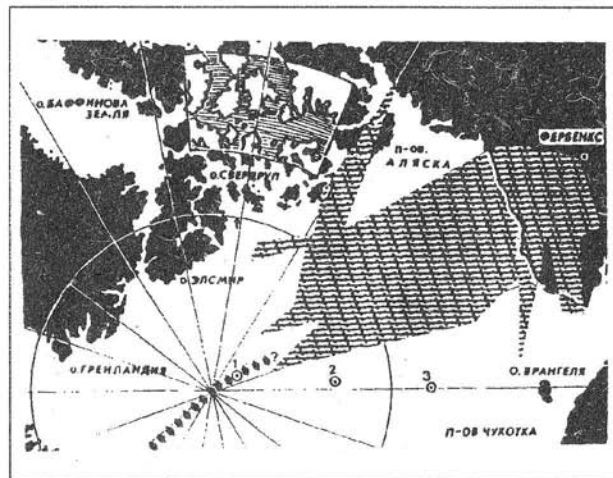

Схема ситуации исчезновения самолета Леваневского. Жирными стрелками, проходящими через полюс, показан последний участок пути. Точки в кружочках: 1—место передачи последней радиограммы; 2—координаты места, переданные с самолета теплоходу «Батум»; 3—место, указанное экстрасенсом. Заштрихованный сектор показывает район поиска самолета Н-209 в 1937–38 годах. Вверху выделен квадрат № 34 ис. карте штурмана Левченко

***

И вот состоялась и эта экспедиция.

На самом севере Канады, на острове, носящем имя Баффиновой Земли, проведен новый поиск советского самолета Н-209, на котором летом 1937 года экипаж Сигизмунда

Леваневского пытался перелететь из Москвы в Америку и который сразу за Северным полюсом бесследно исчез.

В Канаде никаких следов самолета не оказалось. Правда, обследована была лишь небольшая часть этого гигантского острова — его северо-западная оконечность. И была это в общем-то не экспедиция, а только разведка. Тем не менее, сегодня у нас есть повод вернуться к этой загадке еще раз: собранные после канадской экспедиции воедино архивные документы и свидетельские показания современников позволяют проанализировать те давние события с новой точки зрения, которая обещает стать более объективной. И я вновь приглашаю вас сейчас принять участие в решении этой старой логической задачи. В ней сейчас появились новые вводные величины, но истина, похоже, так же глубоко спрятана, как и десятки лет назад.

Итак, снова начнем. И начнем, как это ни парадоксально, с конца.

С борта самолета Леваневского в Москву за время его полета поступило 19 радиogramм, и последняя была такой: «Крайний правый мотор выбыл из строя из-за порчи маслосистемы высота 4600 метров идем в сплошной облачности ждите Леваневский».

Повторяю — последняя. Больше в официальном списке, опубликованном во множестве изданий, ни одной радиogramмы нет. Однако в Центральном государственном ар-

RCA
RADIOGRAM
RCA COMMUNICATIONS, INC.
 RADIO COMMUNICATIONS - JAMES HENRY

SE2 U FAIRBANKS ALASKA 45/40 14 550AM
 OUYANSKY SOVIET EMBASSY
 WASHINGTON

SOOBSHAEN PRINATUIU IZ ANCHORAGE RADIOGRAMU KVCH PLANE HEAL
 WEAK RL CALLING RDYW APPROXIMATELY 9080 KCS AT SIX FORTY PST FOI
 INTERCEPTED WITH BLANKS QUOTE 19 R 34 E E DIAPAZONE UNQUOTE HEAL
 MINUTES LATER BUT UNABLE READ STOP
 BELIAKOV

RECEIVED AT
 1112 CONNEX
 WASHINGTON
 R1
 AT _____

Это только одна из загадочных телеграмм: «Сообщаем приня-
 тую из Ликориджа радиogramму: самолет слышен слабо РЛ вы-
 зывает РДНВ». Справа сверху стоят дата и время: 1937,
 август, 14, 12-22 пополудни. Это значит, что со времени воз-
 можного приземления самолета прошли почти сутки

хиве народного хозяйства, где сосредоточены
 основные материалы по полету Леваневского,
 есть целая папка сообщений, поступивших в
 штаб перелета в период поиска самолета
 Н-209. Сейчас мы вместе с вами перелистаем
 их, и вы убедитесь, какое множество инте-
 ресной информации содержится здесь. Пойдем
 по порядку — по времени полета. Та
 последняя радиogramма поступила 13 августа
 1937 года в 14.32 — через 52 минуты после
 прохождения самолетом географического по-
 луса Земли. Если считать, что оптимальная

скорость Н-209 составляла 140 км в час, а ветер тогда был встречным, то к моменту отправления тревожного сообщения самолет должен был находиться примерно в 100 км за вершиной планеты. Вот от этой точки мы и будем вести отсчет, просматривая архивную папку.

Через час и 24 минуты радиостанция в Якутске приняла такую строчку: «Все в порядке слышимость плохая». Здесь не совсем ясно, что должны были означать первые три слова этой радиогаммы — вновь заработал двигатель? прошел шок первой неполадки? — но с определенностью можно сказать, что полет в это время продолжался. И только сейчас, более чем через полвека после события, стал понятен смысл последних двух слов — о плохой слышимости. Ибо только недавно выяснилось, что радист и штурман в эти критические минуты были вынуждены перейти в заднюю кабину, а там была установлена менее мощная радиостанция.

Через три часа 12 минут после отказа двигателя в Анкоридже на Аляске была принята такая радиогамма: «Не имеем ориентировки затруднения с радиопередатчиком». Ни одно слово этого сообщения не вызывает вопросов. Ситуацию с радиостанцией мы уже знаем, что же касается ориентировки, то в условиях сплошной облачности, близости магнитного полюса и опять же неустойчивой радиосвязи ни один из установленных на

Н-209 навигационных приборов надежных сведений штурману в это время дать не мог.

Через три часа 21 минуту, т. е. через 9 минут после предыдущей радиогаммы, радист полярной станции Мыса Шмидта принял новое сообщение: «Как меня слышите РЛ ждите». Здесь тоже все понятно: пытаюсь наладить работу второй радиостанции, именно такой текст и должен был послать бортрадист в замолчавший вдруг эфир. Таким образом, и в это время экипаж функционировал — на Земле ли, в воздухе ли, но он был жив. Скорей же всего самолет продолжал полет, ибо вынужденная посадка — слишком важное событие, чтобы о нем не сообщить отдельно.

Продолжим наши рассуждения. Самолет Н-209 исчез, но это еще не означает, что он

Последний автограф

разбился. Экипаж мог посадить его на льды или на землю. Насколько велика вероятность такого исхода? Отрывочные радиogramмы, принятые в разных уголках Земли в те дни, которые последовали за злополучным 13-ым числом, говорят о том, что факт благополучного приземления — по крайней мере относительно — вполне мог иметь место.

Вот хроника эфира за 14 августа. В этот день Леваневский лететь уже явно не мог — хотя бы потому, что на полет не хватило бы горючего.

Станция главного управления Севморпути дважды слышала передачи, по тону похожие на РЛ, причем второй раз трижды был повторен знак «ждите». Позывной РЛ был принят в Намангане. Армейская радиостанция в Анкоридже услышала просьбу принять координаты самолета. А радиолюбитель в Куйбышевской области через наушники услышал слабый сигнал «Высылайте помощь мы 96 градусе».

16 августа в Тикси отчетливо слышали позывные РЛ. Архангельск слышал, как РЛ вызывал Москву. В Днепропетровске приняли фразу: «Работайте на аварийных частотах». В Иркутске прослушивалась неисправная радиостанция, похожая на РЛ, работающая в точном соответствии с аварийным расписанием. Кстати, частоты, приведенные в радиogramмах, во многих случаях совпадают, что лишний раз подтверждает достоверность сообщений.

Значит, не было катастрофы? Скорей всего, именно так.

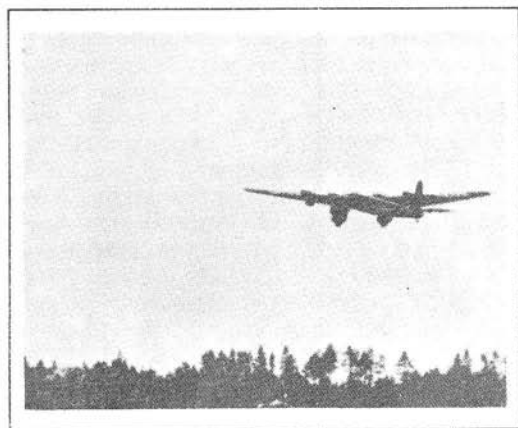
Однако самое поразительное заключается в том, что сигналы с позывными Леваневского различные радиостанции продолжали принимать даже спустя месяц. Даже спустя полтора месяца! Такие случаи зарегистрированы 23, 24, 26, 27, 28 и 30 сентября. А теплоход «Батум», совершая плавание в окрестностях Магадана, трижды слышал эту радиостанцию, причем во второй раз четко прозвучал сигнал SOS, а в третьем случае были переданы координаты. Вот дословный текст этого сообщения: «Широта 83 северная долгота 179 западная РЛ». Правда, эта радиogramма была уже самой последней. После нее позывной Леваневского в эфире больше не появлялся.

А теперь, когда мы с вами знаем уже всю информацию, можно попытаться сделать выводы.

У Н-209 отказал один из четырех двигателей. (Заметим в скобках, что якутский радист Ф. Пилясов в какой-то момент принял сообщение от Леваневского, что он идет даже на двух моторах). Итак, неполадки с двигателями и с радиостанцией и затруднения в ориентировке. Что должен был в этой ситуации делать экипаж? По логике вещей — присматривать на всякий случай площадку для приземления. А потом попытаться посадить самолет.

Конечно, очень велика вероятность того, что Леваневский сел на лед. Такая посадка

чрезвычайно сложна: ледовый панцирь в околуполосном пространстве буквально испещрен бесконечными и бессистемными трещинами и торосами, и тяжелый самолет не мог избежать в этом случае тяжелых повреждений. Но люди вполне могли остаться в живых. По крайней мере, некоторые. О чем

Последний
взлет

и свидетельствует продолжавшаяся после 13 августа радиосвязь. Запас продовольствия у экипажа был небольшим, но месяца на полтора, как показывают расчеты, его можно было растянуть.

К сожалению, поиски самолета Леваневского, организованные после его исчезновения, результатов не дали. Было несколько обстоятельств, помешавших этой операции, и

первое из них — погода. Она надолго задержала тогда вылет советских летчиков, она же не дала возможности провести эту работу качественно американцам. «Может быть, мы летали над самолетом Леваневского, — признавался, например, Губерт Вилкинс, — но не могли его рассмотреть из-за отвратительной видимости».

В пользу этой версии — версии с посадкой на лед — говорят координаты, принятые теплоходом «Батум». Если верить им, то Леваневский повернул в сторону острова Врангеля и приземлился, преодолев примерно треть пути к нему от полюса. Как исторический факт, не лишенный любопытства, стоит отметить, что в те тревожные для всего цивилизованного мира дни место, где находится Н-209, указывал экстрасенс Стефан Оссовецкий. Он утверждал, что весь экипаж находится на льдине между 75 и 80 градусами северной широты и 170 градусами восточной и 170 градусами западной долготы, люди ожидают помощи, двое из них больны. Место это располагается тоже на врангелевском меридиане, но дальше той точки, которая принята «Батумом».

Да, у этой версии есть свои аргументы, но она бессмысленна для поисков самолета Леваневского в наши дни. Ибо льды Северного океана находятся в строго направленном движении и выносятся в конечном счете в течение двух-трех лет в теплые воды Атлантики, где и тают. Поэтому если мы надеемся

найти Н-209 сейчас, то нам следует проанализировать версию, согласно которой Леваневский мог долететь до земли. Только она имеет сегодня практический смысл. И у нее тоже существуют аргументы. Перечислим их.

У той девятнадцатой и последней в официальном списке радиограммы, текст который я привел в начале нашего разговора, был маленький «хвостик», который почему-то не был принят в Москве, но который слышали в Анкоридже. Читается он так: «48 3400 92». Поскольку радиограммы передавались цифровыми кодами, то для расшифровки этой фразы нам придется заглянуть в соответствующую таблицу. Цифра «48» в ней соответствует словам: «посадку будем делать в...». Цифра «92» обозначает подпись Леваневского. А вот что такое «3400» — это было загадкой. Однажды было высказано предположение, что цифра «34» может означать номер квадрата на карте штурмана Левченко, а «00» — предположительное время посадки. Квадрат этот приходится на острова Канадского архипелага, в том числе и на Ваффинову Землю, почему и работала там летом 1993 года экспедиция. Но верно ли такое предположение — этого установить до сих пор не удалось. Теперь на эту тему можете поломать голову и вы.

Второй аргумент, позволяющий думать, что Леваневский мог пойти к земле, заключен в радиограмме, принятой упоминавшимся выше Ф. Пилиасовым. Полный ее текст таков:

*Рональд
Ширдоун и
Георгий
Филиппович
Байдуков с
макетом
самолета
Леваневс-
кого*

«Иду на двух пришлось снизиться впереди вижу ледяные горы». Последние слова не могут относиться, разумеется, к океаническим льдам — горы есть горы, и с ними нельзя перепутать даже самые большие торосы, образованные льдом. Если эта радиограмма верна, то она однозначно должна была указывать на близость земли.

Землю может означать и то сообщение, в котором указывается 96-й меридиан. Так все-таки хочется надеется, что какие-то следы этого несчастного самолета где-то все равно остались! И связаны эти надежды могут быть только с землей. Только с землей.

Какой могла быть она, эта земля? Конечно, не российской — она в те роковые минуты была слишком далека. Ближе всех к

моменту отключения двигателя был канадский остров Элсмир. Чуть позже — острова Свердрупа. Потом остров Принс-Патрик. До них было от 200 до 300 километров пути. Причем, не против ветра, а наоборот. А это всего полтора-два часа полета. И я думаю, что если и удастся когда-то найти Н-209, то произойти это может только здесь. Тут его никто и никогда и не искал. Острова эти очень далеки от обжитых районов, потому и вероятность встретить здесь неведомое все еще велика. Кстати, если Леваневский летел не через полюс, как считает Рональд Ширдоун, а напрямую, то и в таком случае самолет должен лежать в этих же местах.

Такова логика этих давних событий. А каково ваше мнение, уважаемый читатель?

между прочим...

Зимой 1929 года во время операции по спасению затертых льдами судов на Чукотке разбился самолет «Гамильтон». В катастрофе погибли Бен Айлсэн — знаменитый пилот, основатель полярной авиации Америки, и его механик Эрл Борланд. Наши летчики нашли тогда их тела (верхнее фото) и доставили на

родину для захоронения. А место это с тех пор на карте носит название Косы Двух Пилотов.

Время стирает память, и когда шестидесят лет спустя по просьбе авиаторов Аляски мы начали выяснять судьбу «Гамильтона», то оказалось, что место катастрофы уже было потеряно. Однако поиск его все же дал результаты: останки самолета были найдены (нижнее фото), а потом перевезены в Фербенкс — город, в котором жил и трудился Айлсэн. Сейчас эта историческая реликвия выставлена там в Музее Пионеров Авиации.

ВСЕ ЛИ РАССКАЗАЛО НЕТАЮЩЕЕ ОЗЕРО?

В самом центре Чукотки — в наибольшем отдалении от всех ее городков и поселочков, в стороне даже от извечных путей оленьих стад — одним словом, в самой ее глухомани посреди молчаливых гор молча лежит громадное озеро. Оно велико, почти как море. И таинственно, как призрак.

Очевидно, именно из-за отдаленности найдено оно было очень поздно — в 1933 году, всего лишь 60 лет назад. Сделал это С. В. Обручев с борта самолета. Несколько позже он добрался сюда и пешком. «Вот оно лежит перед нами, это озеро, цель мечтаний многих путешественников, — писал он тогда. — Теперь я могу убедиться в его реальном существовании, взобраться на это кольцо гор, которое окружает его, пройти по льду. Его сходство с лунным кратером кажется мне еще разительнее, чем с самолета... Странное, жуткое место! Когда я буду писать роман о жизни на Луне, я помещу своих героев в такой кратер».

Цель мечтаний многих путешественников... Видно, слухи об этом озере ходили уже давно. И конечно же, о нем прекрасно знали чукчи. Называли они его Эльгыгытгын, что в переводе на русский означает Озеро Нетающего Льда. Чукчи утверждали, что в озере этом живет чудовище наподобие зна-

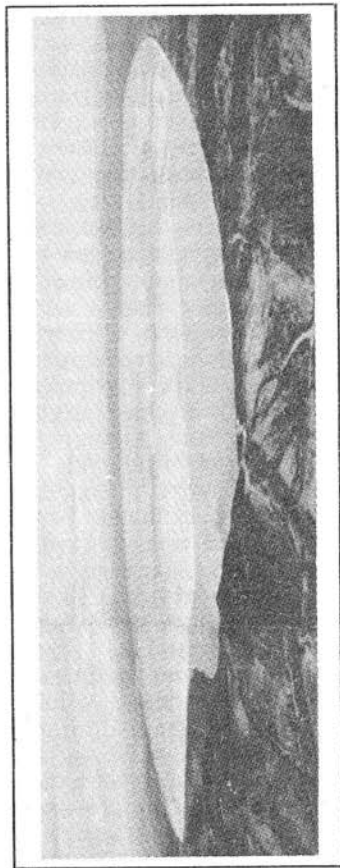
менитой Несси по прзвищу Калилгу, что вода в нем время от времени вдруг взбужает бугром, который, лопнув, распространяет на всю округу зловоние, поэтому они стремились обходить это место стороной. Правда это или нет, никто сказать тогда об этом не мог, но впечатление, которое осталось от встречи с озером у Обручева, тоже было, как вы помните, тревожным. Так что, кто знает...

Вот как случается у нас порой: живешь-живешь себе и вдруг узнаешь, что рядом с тобой среди тысячи обыкновенностей есть, оказывается, и нечто странное и даже необъяснимое. Сначала открытие это происходит на уровне эмоций, затем в дело включается разум. Тут-то и начинается самое интересное — начинается поиск истины.

Геолог Обручев предположил, что озеро лежит в кратере потухшего давным-давно вулкана. Потом другие наши ученые выдвинули теорию его образования в результате тектонических разломов земной коры. И уже в 1976 году двое американцев, изучая снимки, сделанные из космоса, высказали версию о метеоритном происхождении этой впадины. И не просто метеоритном, а связанном с так называемыми австрало-азиатскими брызгами. Дело в том, что примерно 700 тысяч лет назад Земля наша встретилась с большим метеоритом, расплавленные осколки которого находят сейчас на огромном пространстве, протянувшемся через Китай, Юго-Восточную Азию и Австралию. Эти ученые и предполо-

жили, что чаша Эльгыгытгына — результат именно этого чудовищного взрыва. Она действительно внушительна: внешний диаметр котловины, имеющей форму правильного конуса, достигает 18-ти километров, а глубина воронки в ее центре — 400 метров. Поистине космическая была драма! Если ко всему этому добавить и еще несколько совершенно уникальных особенностей этого озера, (достаточно сказать, например, о возможности добычи здесь алмазов, для образования которых, нужно, как известно, большое давление и высокая температура, что и было в момент катастрофы), то станет понятен интерес, который вызвало оно в научных кругах. Но — близок локоть, да достать трудно. Тундровых дорог туда нет, попутных вертолетных рейсов тоже. Как забраться в эту глушь?

Самой настойчивой оказалась маленькая группа Института геологических наук Украины, руководимая Евгением Петровичем Гуровым. Киевляне три летних сезона провели на озере и в его окрестностях и потом опубликовали результаты своих исследований. Выяснилось, что метеорит, налетевший здесь на нашу планету, имел в момент встречи с нею массу 100—150 миллионов тонн, был он каменным, а не железным, и если цифры эти вы хотите понять буквально, то вам нужно представить себе камешек диаметром в 400 метров, летящий со скоростью 15 километров в секунду. Величину энергии, выделившуюся при этом ударе, трудно даже представить

Озеро Эльгыгытгын — это
гигантская круглая воронка,
заполненная водой.

себе, настолько она огромна. Я думаю, она сопоставима со взрывом всех термоядерных зарядов, скопившихся на земле. Произошло это около пяти миллионов лет назад.

Я не был знаком с Е. П. Гуровым, но когда, зачарованный рассказами об этом таинственном озере, стал собирать материалы о нем, то в конце концов нашел и адрес киевского геолога. Мы долго переписывались с ним. Он рассказывал в письмах, как трудно начинались их поиски, как долго они искали первые бесспорные свидетельства этой катастрофы, какой праздник был в тот момент, когда импактиты были, наконец, найдены.

Все это было очень интересно, но меня удивило полное отсутствие в этих описаниях мрачных тонов. «Вся наша группа — писал Гуров, — буквально влюбилась в этот край, и хотя работы в кратере Эльгыгытгына мы считаем законченными, в нас осталось желание вернуться туда. И не только потому, что сама работа была захватывающе интересной, а оттого еще, что и само озеро, и его окрестности прекрасны. Вода необыкновенно прозрачна. Всюду изобилие непуганых животных — оленя, снежного барана, медведя. На скалах гнезда орлов. Мне самому пришлось стать свидетелем охоты волка на оленя, которая не закончилась трагично для жертвы только благодаря моему вмешательству. Не оставляет впечатление, что находишься в заповеднике, его и надо здесь создать, ибо очень многое здесь просто уникально — и

сам кратер, и населяющий его воды голец, и самое крупное на Севере стадо диких оленей».

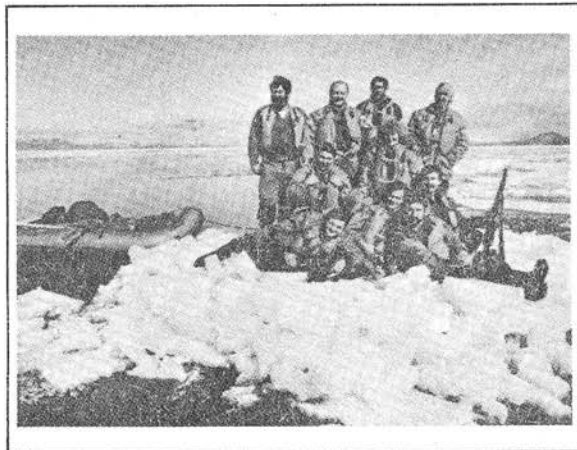
Так какой же образ Эльгыгытгына истинный, спрашивал я себя — тот, который описан Обручевым? тот, которого избегают чукчи? или тот, который предстал перед киевскими геологами? На эти вопросы так хотелось ответить самому. И я все же попал на это озеро.

Это была совместная советско-итальянская экспедиция по выживанию человека в экстремальных условиях. Известный путешественник Яцек Палкевич обучал в этих глухих местах специалистов Магаданской авиационной поисково-спасательной базы премудростям своей науки. Началась экспедиция на озере, а продолжилась на единственный вытекающей из него реке Энмываам, по которой когда-то в одиночку сплавился автор романа «Территория» Олег Куваев.

Было 15 июля — самая середина лета, но когда в иллюминаторах вертолета перед нами открылся Эльгыгытгын, он оказался полностью под ледовым панцирем. Да, это действительно было Озеро Нетающего Льда. А по берегу его мела настоящая пурга, какую и зимой не часто встретишь на нашем Севере. Спасаясь от нее, мы забежали в полуразвалившийся рыбацкий домик. Я огляделся, и когда глаза привыкли к его полутьме, увидел засунутую в щель стены пожелтевшую визитку. На ней была надпись: «Тарасов

Николай Макарович, открыватель центра суши СССР, член союза журналистов, действительный член Географического общества СССР, мастер спорта, почетный гражданин польского города Фромбарка, начальник экспедиции имени Папанина». Боже, — подумал я, вставляя ее обратно, — как здесь много всего по сравнению с феноменом, до которого я, наконец, добрался, и как это ничтожно рядом с истиной.

Всего лишь сутки довелось мне пробыть на этом загадочном озере. Конечно, я не успел там отведать самого вкусного гольца, который, как говорят, существует в мире. Не сумел я и увидеть того чудовища, которое,

как утверждают, водится здесь. Но озеро и его окрестности произвели на меня и всех нас грандиозное впечатление. И когда я вспоминаю его теперь, оно всегда ассоциируется у меня с тайной.

Всего лишь одни сутки были мы здесь, а потом поплыли вниз по Энмывааму. Но перед дальней дорогой сфотографировались на память. Вы только что видели этот снимок. Взгляните еще раз. Под нами нетающий лед, за нами Нетающее Озеро, а вокруг — середина лета.

БЫВАЮТ ЛИ В АРКТИКЕ ИЗВЕРЖЕНИЯ?

Зимой 1983 года научный и общественный мир был взбудоражен сенсацией: в Северном Ледовитом океане началось сильное извержение вулкана. Его зафиксировал метеорологический спутник: на снимке сделанном из космоса, от острова Беннетта на сотни километров тянулся четко видимый дымовой шлейф — американский геофизический жур-

Обложка американского журнала, на которой запечатлен снимок из космоса

нал даже опубликовал его в майском выпуске на своей обложке. А поскольку активная вулканическая деятельность для современной Арктики совершенно не характерна, то все научные силы были немедленно приведены в движение для объяснения этого факта, и казус с одиноким островком посреди Белого Безмолвия на какое-то время вышел в средствах информации на один из передних планов.

Газета «Известия» вспомнила, что в Якутии и на Чукотке все-таки есть потухшие вулканы. Журнал «Человек и стихия» опубликовал статью начальника одной из дрейфующих станций, в которой он сообщил о далеких подводных взрывах, которые отзывались и на льдине и которые могли быть истолкованы скорее всего как результат извержения. Кто-то перечитал заново записки Де-Лонга и обнаружил упоминание в них о выступающем из воды конусе, похожем на вулкан, причем было это как раз вблизи острова Беннетта. Одним словом, страсти вокруг сенсации нагнетались, но пока они имели теоретический аспект и настоятельно нуждались в подтверждении. Провести же такую экспертизу можно было только на месте — в Ледовитом океане, в архипелаге Де-Лонга, в который и входит этот остров.

Однако как попасть туда? Регион этот никакими транспортными путями с внешним миром не связан и даже летом, как правило, забит льдами, преодолеть которые под силу

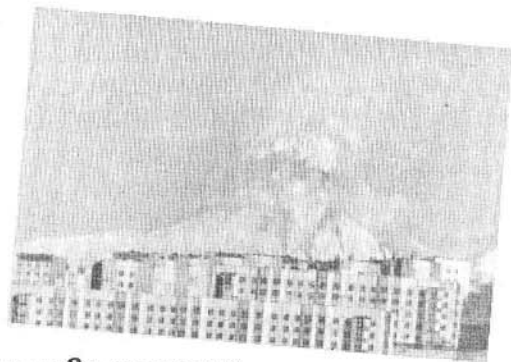
только ледоколу либо судну ледового класса. Тем не менее, экспедиция такая состоялась. Моряки забросили-таки туда специалистов Института вулканологии, и хотя были они на острове всего один день, этого срока хватило для того, чтобы убедиться в полном отсутствии здесь каких-либо признаков недавнего извержения. Несмотря даже на то, что происходило это свидание летом, когда остров наиболее доступен для осмотра.

Но позвольте, а как же быть со снимком, на котором извержение просматривается более чем отчетливо? Ведь фотография — это объективное свидетельство, и не верить ему просто невозможно. Пока на эту тему шла дискуссия, спутник еще дважды зафиксировал точно такие же шлейфы на том же самом острове. Однако вторичной проверки самого факта работы вулкана на месте уже не проводилось. Во-первых, потому что она опять же сопряжена с транспортными трудностями, а во-вторых, скорей всего тоже не дала бы никаких результатов. Так загадка эта пока и осталась загадкой.

Конечно же, объяснение ей когда-то будет найдено. Некоторые ученые полагают, что оно уже и сейчас существует. Они считают, что белый след, тянущийся от острова, это не дым и пепел вулкана, а холодный воздух, скапливающийся в Арктике у поверхности льда и при усилении ветра создающий завихрение за препятствием, которым и является одинокий остров. Поднимаясь в более

теплый слой атмосферы, он, естественно, фиксируется на космическом снимке, который отражает именно тепловую картину, поскольку выполняется в инфракрасных лучах: теплые объекты в них имеют темный цвет, а холодные — светлый. Аналогичная картина, говорят авторы этой гипотезы, наблюдается при прохождении циклона и над другими островами. И не только в Арктике, но и в Антарктиде.

Может быть, они правы? Или у истины иные аргументы?

между прочим...

Тем не менее, на северо-востоке Азии все же есть область активного вулканизма. Причем, совершенно уникальная — как по количеству, так и по плотности объектов. Имя ее Камчатка.

На этом полуострове сконцентрировано 28 действующих вулканов, еще больше потухших кратеров, несколько сотен шлаковых конусов и лавовых куполов, горячих и минеральных источников, а знаменитая Долина Гейзеров вообще не имеет аналогов.

Мне приходилось бывать на Камчатке, заставлял я там вулканы в самый интересный период жизни. На первом снимке этой вкладки запечатлено извержение Авачи — вулкана, у подножья которого стоит Петропавловск-Камчатский — в 1991 году.

Второй снимок я сделал с борта вертолета. На нем кратер Карымского вулкана в час затишья. Оценить его диаметр можно по двум фигуркам людей, поднявшихся в эту минуту к кратеру — они видны на верхнем его краю.

ЧЕМ ЗАВЕРШИЛСЯ ПОИСК АМЕРИКИ?

12 октября 1492 года началось величайшее географическое открытие: Колумб увидел землю, названную позднее Америкой. А известно ли вам, как была завершена эта эпопея?

Строго говоря, Америку открыл вовсе не Колумб — об этом сегодня знают все. Некоторые исследователи доказывают даже, что он в своем плавании использовал итальянскую карту, датируемую 1424-м годом, на которую уже был нанесен Новый Свет. Ибо еще за полтысячи лет до великого генуэзца неведомую землю Винланд посетил викинг Лейф Эрикссон, а его брат Турвальд добрался даже до нынешней Флориды.

Однако существует и версия о еще более раннем визите европейцев в эти края: в 986 году к берегу нового континента прибило судно исландского торговца Биарне Херлуфссона. Именно по его наброскам, как полагают некоторые, и выполнена была позднее та карта.

Но и исландец не был первым. Косвенные данные позволяют думать, что за несколько лет до норманнов Тихоокеанское побережье Америки посещали мореходы Азии и Полинезии. Так, может быть, первенство принадлежит им?

Увы, и эти смелые люди не открыли

Америку. Сделали это предки нынешних индейцев. Еще в доледниковую эпоху, около 15 тысяч лет назад, несколько племен перешли из Азии в Америку в том месте, где два континента сегодня почти сходятся, расселились по обширным пустым еще пространством и со временем создали целый ряд самостоятельных цивилизаций. Вот они-то и открыли Новый Свет.

А что же Колумб? Он занимает в ряду первооткрывателей достойное место. Во-первых, он положил начало процессу объединения обособленных людских сообществ в единую систему, имя которой человечество. Во-вторых, именно с Колумба пошло научное освоение нового континента. В этом смысле день 12 октября 1492 года очень важен.

Кто и как продолжил открытие Америки? Ответ на этот вопрос требует чрезвычайно большого списка имен и деяний. Ведь открытый континент оказался огромным, и для того, чтобы изучить, описать и освоить его, понадобились сотни лет и многие тысячи людей. Это и завоеватели Кортес и Писарро, с мечом пришедшие сюда, и Америго Веспуччи, чье имя перешло к новой земле, и искатели приключений, и путешественники, с риском для жизни продвигавшиеся в глубь дебрей, гор и пустынь, это и Витус Беринг, открывший Тихоокеанское побережье, названное впоследствии Русской Америкой, и многие другие, кто внес малую или большую лепту в исследование континента.

И вот настал день, когда был исполнен последний — самый последний штрих этой гигантской работы.

Уже были заселены обе Америки, уже стояли города, названия которых звучат и сегодня так же, как тогда, уже сформировались почти все нынешние государства, но в науке осталось одно сомнение: не соединяется ли Северная Америка с Азией перешейком где-то в Ледовитом океане — еще севернее Берингова пролива? Люди, которые плавали здесь, не могли на этот вопрос ответить твердо, география — тем более. Нужны были доказательства.

Первую часть этой работы выполнил великий англичанин Джеймс Кук. В 1778 году во время последнего своего плавания он обогнул Чукотку, вошел в Ледовитый океан и начал продвигаться на Запад. Шел недолго: у мыса, который им был назван Северным (Норд Кэп), ему пришлось повернуть назад. Но перед этим Кук вычислил его координаты: 68 градусов 56 минут северной широты и 179 градусов и 9 минут западной долготы. Эта точка оказалась крайней, нанесенной на карту Азиатского материка на северном его побережье. К западу от нее оставалось еще белое пятно, но именно там и мог начинаться перешеек, идущий к Америке.

Кстати, некоторые полагают, что разделение Америки и Азии доказал еще Беринг, открывший между ним пролив. Это не так. Он доказал лишь, что два континента

не сходятся именно в этом месте. Перешеек же вполне мог проходить в глубине Северного Ледовитого океана. Недаром Русское адмиралтейство даже уже в 1820 году ставило перед исследователями задачу «разрешить гипотезу о соединении Азии с Америкой».

Разрешил ее российский путешественник Фердинанд Петрович Врангель, именем которого назван остров в Ледовитом океане. Он проделал вторую часть работы. Двигаясь по сибирскому берегу на восток — как бы навстречу пути, который проделал раньше Кук — он достиг того же мыса, и таким образом замкнул на карте линию северного побережья. Координаты мыса, вычисленные им, совпали с тем, которые приводил Кук — с незначительными и понятными погрешностями. Вот как Врангель описывает этот момент:

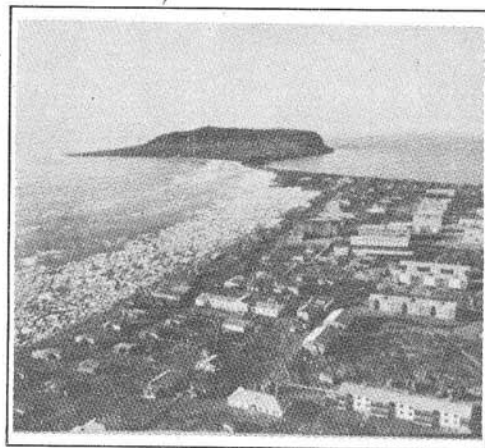
«Не было сомнений, что мы достигли места, которое капитан Кук назвал Кэп Норд. Два холма, соединенные с запада на восток перешейком, море на юге и все другие местные признаки согласовались вполне с рассказом Кука, а определенное впоследствии положение места совершенно удостоверило нас, что мы достигли Северного мыса».

Это случилось 10 апреля 1823 года. Теперь было неопровержимо доказано, что два величайших материка обособлены друг от друга. Со дня 12 октября 1492 года, когда Колумб увидел Новый Свет, прошел 331 год. Так окончательно завершилось открытие Америки.

Парадоксальный факт: последнюю точку в исследовании одного континента пришлось ставить с помощью другого континента. На это обстоятельство обратил внимание еще один путешественник — эстонский писатель, а впоследствии президент Эстонии Леннарт Мери в своей книге «Мост в белое безмолвие». Такие вещи встречаются в науке крайне редко.

А мне остается только сказать, что мыс Северный в недавние времена постигла участь многих наших географических точек — его переименовали. Теперь он носит имя академика Отто Юльевича Шмидта, а райцентр, расположенный рядом с ним, называется Мысом Шмидта. Мало того, поскольку мыс

*Поселок
Рыркайный
и мыс
того же
названия*

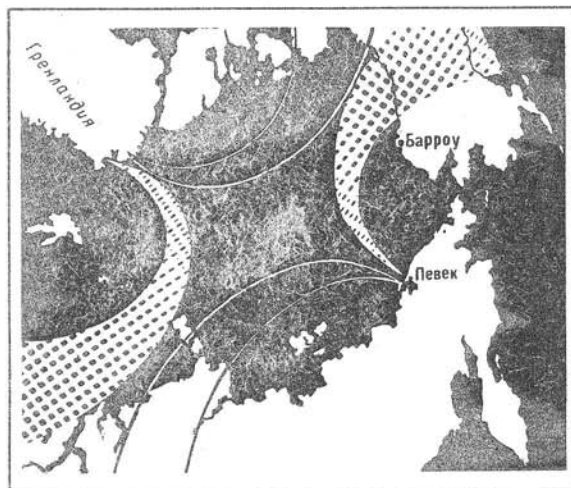

состоит из двух частей, на картах каждая из них названа по своему: одна — мыс Вебера, вторая — мыс Кожевникова.

А вообще-то у него есть и исконное имя — чукотское. Звучит оно так: Рыркайпьян. В переводе на русский это означает «Где-кончается-проход-моржей». К мысу прилепился и поселочек такого же названия.

МОЖНО ЛИ СНОВА ОТКРЫТЬ ПОЛЮС?

Поверхность Северного Ледовитого океана зимой представляет собой многометровой толщины ледовый панцирь, который оттаивает на короткое лето лишь узкой полоской у самых берегов. Элементарная логика подсказывает нам, что наибольшей мощности лед здесь должен достигать в центре бассейна. Так считали испокон веков. Но истина не всегда лежит на поверхности очевидного. Случается, что инструментом, с помощью которого наука

отыскивает ее, бывает парадокс. Похоже, что именно так произошло сейчас и с Ледовитым океаном.

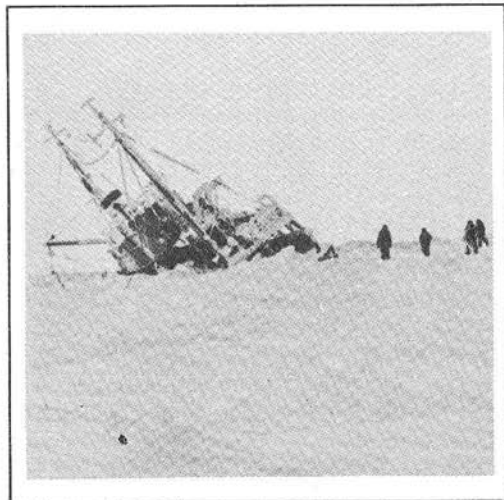
Поясним суть вопроса — в этом нам поможет рисунок.

Северный Ледовитый океан большую часть года находится под воздействием двух антициклонов, вращающих воздушные массы над Евразией и над Северной Америкой по часовой стрелке, и двух циклонов, «работающих» над северными частями Атлантики и Тихого океана и вращающих воздушные массы в противоположном направлении. Именно эти гигантские климатические машины — машины поистине планетарного масштаба — отгоняют льды от берегов Сибири и Канады, образовали две громадные полыньи, позволяющие судам даже зимой поддерживать навигацию, они уже у берегов Чукотки и Гренландии создают тяжелейшие ледовые нагромождения, которые даже летом давят теплоходы, словно они построены не из железа, а из яичной скорлупы.

Ситуация эта науке известна довольно давно, однако все полагали, что касается она только природных явлений — свободной воды в одних случаях и ледовых массивов в других. А каким образом она влияет на центральную часть океана — ответ на этот вопрос казался самим собой разумеющимся. Всем — кроме одного человека. Доктор географических наук из Певека Валерий Николаевич Купецкий выдвинул неожиданную

гипотезу о том, что эти самые два циклона и два антициклона могут разрезать льды в центре акватории. А если это так, то из Европы в Америку удобнее плавать напрямую — из Великой Сибирской полыньи через район полюса в Канадскую.

*Чукотский
ледовый
массив —
поистине
кладбище
кораблей*

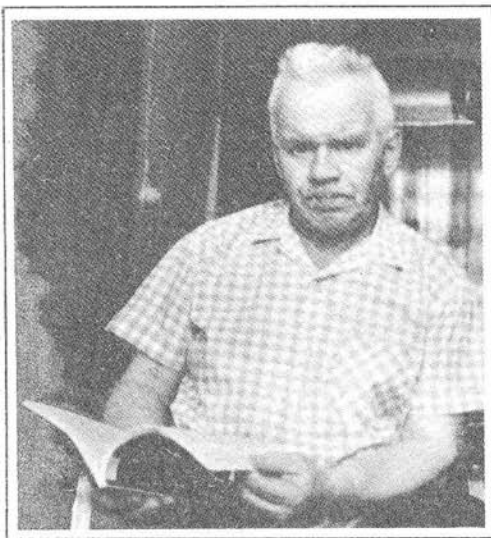
Согласитесь, красивая и смелая гипотеза. Но ведь это еще только гипотеза. Ее нужно еще доказать...

Оказалось, что первые аргументы в ее пользу уже существуют: ледоколы с судами еще в прежние годы несколько раз выходили к центру океана. Так было в 1968 году,

когда «Ленинград» и ведомая им «Амгуэма» высадила на лед советскую научно-исследовательскую дрейфующую станцию «Северный полюс-18». Так было в 1973 году, когда «Владивосток» и «Кондратьев» основали «СП-22». В 1977 году на Географический полюс из Сибирской полыни вышел атомоход «Арктика». Десять лет спустя туда же проследовал атомоход «Сибирь», причем случилось это весной, когда льды центрального бассейна достигают наибольшей толщины. «Сибирь» тогда не только достигла полюса, но потом прошла и дальше и высадила на льды станцию «СП-29». Между прочим, в это же самое время, даже в эти же самые дни, караван из двух ледоколов и двух судов арктического типа не мог войти в Ледовитый океан через Берингов пролив — его не пустили туда ледовые массивы, навалившиеся на Чукотку.

Да, практика показала, что район полюса для судов не так уж неприступен, как это могло показаться на первый взгляд. Кстати сказать, мне самому удалось убедиться в этом, когда поздней осенью 1987 года я принимал участие в высадке на льды станции «Северный полюс-30». Тогда дизельэлектроход «Витус Беринг», на котором базировалась экспедиция, вышел из Певека под проводкой мощного ледокола, и мы очень скоро застряли в ледовом массиве. С огромным трудом каравану удалось обогнуть с юга остров Врангеля, и он, наконец, взял курс на север.

Валерий
Николаевич
Купецкий —
великий
географ
нашего
времени

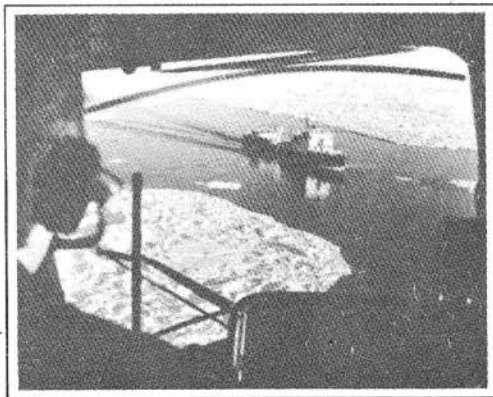
Сначала продвигались медленно — льды были очень мощными и сжатие очень сильным, однако с каждым новым днем сопротивление их уменьшалась, а когда суда подошли к заранее выбранному с помощью авиационной разведки району, там вообще оказались сплошные трещины и полыни, в которых плавали морские животные. Было полное впечатление, что чем ближе к центру океана, тем легче судну идти. Этот свой вывод я сопоставил с объективными данными гидролога нашего ледокола, более тридцати лет

проплававшего в Арктике, и он полностью подтвердил его, проиллюстрировав картами ледовой обстановки всей нашей трассы.

С тех пор минуло несколько лет, и они полностью подтвердили гипотезу В. Н. Купецкого. Особенно показательным стал 1993-й год: тогда ледоколы трижды выходили к полюсу, и два раза от него они направлялись к Берингову проливу. В тот год было совершено 22 транзитных плавания из Европы в Америку, причем часть этих судов прошла не вдоль сибирского берега, а именно тем маршрутом, который и рекомендовал автор гипотезы. Таким образом, в своем качестве предположения гипотеза эта существовать перестала — она стала истиной.

Так закончилась романтическая история с таинственным Полюсом недоступности — той точкой в центре Ледовитого океана, которая была достигнута гораздо позже, чем Географический полюс, и которая так долго манила исследователей Арктики. Впрочем, недавно для меня она получила любопытное продолжение. В воспоминаниях нашего выдающегося деятеля С. Ю. Витте я нашел рассказ о споре, который в его кабинете разгорался между автором периодической системы элементов химиком Менделеевым и создателем первого ледокола адмиралом Макаровым. Витте пишет, что в ответ на просьбу высказаться о возможности прохода судов на Дальний Восток Менделеев «после размышления, на которое я дал ему время, высказал убежде-

*В самой
середине
Ледовитого
океана
есть,
оказывает-
ся, свобод-
ные ото
льда
водные про-
странст-
ва...*

ние, что не следует идти морями параллельно нашим северным побережьям, а нужно просто пройти прямо по направлению к Северному полюсу и потом спуститься вниз, что такой переход будет гораздо проще и может быть совершен и гораздо скорее, и безопаснее». Адмирал Макаров же «находил, что это будет очень рискованный шаг, что благоразумнее будет попытаться идти по направлению нашего северного побережья».

К сожалению, Витте не приводит тех аргументов, которыми защищал свою теорию Менделеев. А может быть, это просто была гениальная догадка великого ученого?

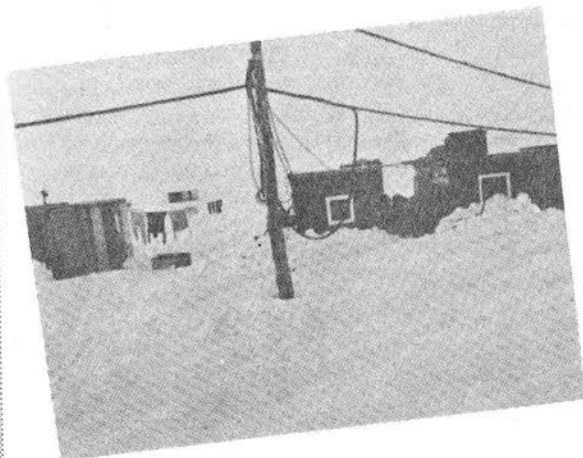

между прочим...

В течение многих десятилетий дрейфующие станции «Северный полюс» были у нас в стране едва ли не пределом экзотики. Попасть сюда удавалось очень и очень немногим, и такой вот снимок, сделанный на память об этом посещении, вклеивался в первые страницы семейных альбомов. Между тем, огромная и богатая страна наша не могла даже кучке людей

предоставить сносные условия для жизни и работы. Сочетания сверхэкстремальных воздействий внешней среды со столь уж суровым бытовым прессом приводили подчас такой изолированный коллектив к тяжелым и затяжным конфликтам.

ПОЧЕМУ ФАНАТИКИ — ЛЮДИ ИЗБРАННЫЕ?

Наверное, каждый из нас слышал о рыбе под названием голец. Но многим ли известно, что существует международное общество фанатиков арктического гольца? Да-да, именно гольца, и именно фанатиков. Объединяет оно ученых разных стран, и чтобы попасть в это число избранных, надо иметь перед наукой определенные заслуги.

Недавно в этот клуб был принят заведующий лабораторией ихтиологии Магаданского института биологических проблем Севера, доктор биологических наук Игорь Александрович Черешнев. Он и будет сегодня нашим собеседником.

— Скажите, а какие еще рыбы вот так объединяют ученых?

— Больше никакие. Только гольцы.

— Чем же это объясняется?

— Видимо, особенностью этой рыбы. Гольцы обитают там, где уже никакая другая рыба не живет. Самая северная находка их — озеро на самом северном канадском острове Элсмир. Гольцы как раз и интересны тем, что являются примером выживания в суперэкстремальных условиях.

— А к какому, так сказать, семейству относится голец? Что это за рыба в обывательском смысле слова?

— Определение его с самого начала столкнулось с трудностями. Эта рыба оказалась очень пластичной, она заняла все возможные для своего вида экологические ниши: голец бывает речной, озерный и проходной, глубоководный и мелководный, хищный и нехищный и т. д. Один известный ихтиолог сказал как-то, что если вы начнете описывать гольцов, то вам придется делать это у каждого водоема. Лет 40 назад наука насчитала 12 их видов, сейчас наша дальневосточная школа называет цифру 23. А вообще гольцы это один из родов семейства лососевых рыб. Обитающая в наших водах тихоокеанская мальма или кунжа — это их близкие родственники. Однако систематика их до конца еще не разработана. Это объясняется как раз огромным их разнообразием, и особенно ярко проявляется оно на Северо-Востоке России.

— В озере Эльгыгитгын, самом большом на Чукотке, вами обнаружен вид гольца, который нигде больше, говорят, не встречается. Это действительно так?

— Да, это эндемичный вид, и находка его действительно стала настоящим открытием, ведь лососевые — в силу своего экономического значения — относятся к наиболее хорошо изученным рыбам, и найти и описать среди них новую популяцию равносильно

открытию неизвестной расы в народонаселении Земли. Такой же эндемик, то есть вид, не встречающийся больше нигде, открыт в Кроноцком озере на Камчатке. Это реликтовые виды, оформившиеся в замкнутых водоемах, образовавшихся в результате геологических катастроф. Тот голец из озера Эльгыгытгын, о котором вы говорите — это, я думаю, самая древняя на Земле разновидность лососевых.

— Интересно, а те гольцы, которые живут в море и размножаются в реке, тоже как и другие лососевые, возвращаются в родной водоем?

— Это явление, именуемое хомингом, разным лососевым свойственно в разной мере: у горбуши, например, оно составляет 2 процента, а у нерки — 95. Считается, что гольцы в 100 процентах случаев возвращаются в ту реку, где родились. Однако размножаются они через два года: год уходит у них на восстановление сил.

— А как наука объясняет механизм смерти у некоторых лососевых, когда, дав жизнь потомству, сами родители гибнут?

— На этот счет есть несколько теорий, однако однозначно доказано, что это результат крайнего истощения организма рыб, пришедших в реку на нерест. Есть у этого явления и другой, более глубокий смысл: никакая речная экосистема не смогла бы прокормить такое количество рыбы, которая обычно поднимается на нерест, и погибая

после нереста, взрослые особи обогащают эту реку кормом ради жизни своего потомства. Кстати, и во время подъема к месту нереста родители совершенно не питаются, они идут на тех энергетических запасах, которые накоплены ими в море.

— Имеет ли голец промысловое значение?

— У нас в стране — почти нет. Причина проста: зачем искать гольца, когда в сети сами идут горбуша и кета? Хотя в отдельных случаях голец добывается. Например, в реке Яне под Магаданом еще в недавние времена его вылавливали до 80 тонн в год. На Камчатке выпустили из него даже консервы.

— Но вернемся к обществу фанатиков гольца. Что все-таки движет ими? Какая сила?

— Любовь к гольцам.

— Неужели только она?

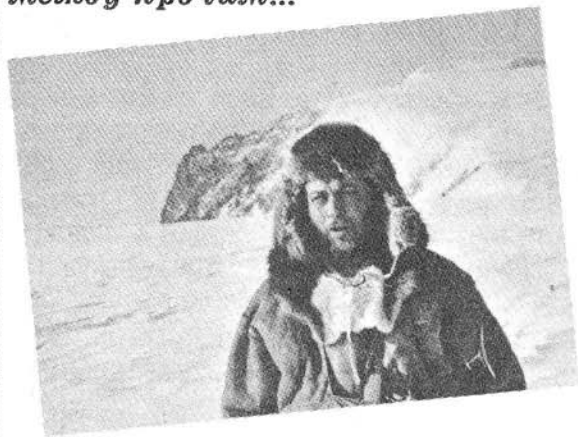
— Нам, конечно, трудно это понять, а вот в странах Северной Европы голец — излюбленный объект спортивного рыболовства, там разводят его в больших количествах. Однако общество это чисто научное. Его идея пришла в голову Иоханну Хамару на острове Шпицберген. Он рассказывал потом, как в минуты одиночества подумал, что и другие исследователи гольцов вот так же, наверное, мучаются в дальних уголках иных стран. Там он и решил, что хорошо было бы создать союз единомышленников, где можно было бы обмениваться информацией и стимулировать этим развитие икhtiологии. Теперь члены общества собираются раз в два года на свои

съезды, и после них выпускают сборник статей, которые отражают последние достижения в области изучения этой рыбы.

— И вы полагаете, что у этого общества есть достаточно большое поле для деятельности?

— Безусловно. Гольц ведь очень интересен со многих точек зрения. Он является тончайшим индикатором качества воды. Один из докладов на прошлом симпозиуме, например, был посвящен воздействию чернобыльского взрыва на гольцовые озера Швеции — вот какова чувствительность этой рыбы. Или другая характеристика: в мясе гольца содержится полный набор необходимых для человека аминокислот. Этим объясняется его роль в питании коренного северного населения. Гольцы достигают порой громадных размеров — мальма в Чаунской губе, к примеру, превышает метр в длину и 10 кг в весе. Так что спектр изучения этой рыбы очень широк — он простирается от чисто научных аспектов до практических, связанных с промыслом.

между прочим...

Множество замечательных личностей оставило свой след на нашем Севере. Сегодня я предлагаю вам познакомиться с двумя из них.

Вот Леонид Федорович Сташкевич — в течение многих лет директор заповедника «Остров Врангеля». Есть такая категория людей: они уже достигли вершины успеха, но когда им предлагают начать все заново, они сжигают мосты и

идут в новую битву. На долю Сташкевича выпало возрождение нескольких российских заповедников.

На втором снимке Василий Семенович Сидоров — я снял его, когда он присел отдохнуть после очередного обхода своей очередной станции «Северный полюс». Десять зимовок в Антарктиде и полтора десятка в Арктике — вот послужной список этого великого русского полярника.

На таких людях держится наша земля. Я горжусь, что оба они — мои друзья.

ЗАЧЕМ СОЛОВЬЮ ЗОЛОТАЯ КЛЕТКА?

«На советской довоенной эстраде рядом с именем Вадима Козина трудно поставить равноценного исполнителя — по славе, по популярности и по количеству пластинок, расхोdivшихся по стране огромными тиражами. Казалось, слава его легендарной бабки Вари Паниной возродилась в нем. Его необычайной красоты цыганский голос сводил с ума всех, кто его слышал. Афиши, аншлаги, овации — вот мир, в котором жил он, создавая все новые и новые песни, чтобы щедро дарить их с эстрады своим восхищенным поклонникам».

Эти слова я переписал с пластинки, выпущенной недавно в Нью-Йорке. На ней стоит название: «Последний концерт. Запись 1958 года». Прислала пластинку из Дортмунда в Магадан, где уже около полувека живет Вадим Козин, старая женщина, угнанная в молодости с Украины в Германию да так там и оставшаяся. Сколько лет прошло, а не забыла она голос своей юности. На краю Земли разыскала своего кумира.

— А как вы начинали петь, Вадим Алексеевич?

— Музыкального образования у меня нет. Даже на фортепьяно сам играть научился. Пел сначала в хоре, а в 1925 году начал солировать в кинотеатрах перед сеансами. Сначала аккомпанировал мне Аркадий По-

красс — помните, их было четверо братьев, и все пианисты? Потом дали кого-то из оркестра Утесова. А на гастролях в Горьком ко мне подошел молодой человек: «Здравствуйте, я Додик Ашкенази, играю в ресторане, хотел бы работать с вами». Мы с администратором прослушали его и решили взять. Так до самой войны мы вместе и работали. А Додик приезжал недавно ко мне.

— Сколько вещей было в вашем репертуаре?

— Больше двух тысяч. В основном это старинные песни и романсы. Песен двести написал сам. К некоторым даже и слова.

— Я с удивлением недавно узнал, что «Махорочка», которую мы распевали когда-то — ваша песня.

— «Эх, махорочка-махорка, породнились мы с тобой...» Да, моя. Но тогда вы должны знать и «Дай жизни, товарищ Калуга...»

— «...Ходи веселей, Кострома». Конечно! Скажите, в Америке у вас вышел один диск?

— Нет, два. И в Швеции вышли. И «Мелодия» уже три выпустила. Но что интересно — все аплодисменты убраны, вместо них паузы стоят.

— Заплатили они вам?

— Нет, никто не заплатил. Видно, считают, что меня уже нет.

В его холостяцкой квартире свободного места нет — все заполнено хаосом множества вещей. Стены не просматриваются: до самого потолка они заставлены книгами, письмами,

газетами, пластинками, журналами. И даже у фортепьяно доступны только клавиатура и педаль. Но когда он откидывает его крышку, когда садится перед инструментом на табурет и берет первые аккорды, все окружающее куда-то пропадает. И кажется, что во всем мире нет ничего, кроме этого прекрасного, чистого и до сих пор еще сильного тенора:

Лишь только вечер

Затеплится синий,

Лишь только звезды

Блеснут в небесах...

И в эти минуты понимаешь, почему его так любили.

— Вот на американской пластинке пишет-ся, что вы на Колыме просидели 15 лет. Разве это верно?

— Нет, это преувеличение. Дело было так. Как-то позвал меня Берия к себе. Я пришел. И вот Берия спрашивает: «Почему ты ни одной песни не поешь о Сталине?» А я часто там бывал — в Кремле. Даже вместе со Сталиным, бывало, частушки распевал. И никогда мне там об этом ни одного слова не было сказано. «Да, — говорю, я пою только одну песню о Ленине. На слова Демьяна Бедного. Музыку написал сам». Берия и говорит: «И что, можно одну только песню петь?» Я вспылил и ответил: «Да! Можно!» И по решению особого совещания отправился на магаданский курорт.

— Вас сослали сюда?

— Нет, в лагерь попал. Через три года освобождился. Съездил в Москву, но вернулся. И решил жить здесь.

— Говорят, к вам много разных людей приезжает?

— Ой, много. Все приезжают и приезжают. Вот, смотрите, тут под стеклом у меня фотокарточки лежат. Вот я с Винокуром. Вот Штоколов. Вот Державин. Чурсина. Это Евтушенко. Это Толкунова, она вместе с Ашкенази приезжала. Глузский недавно был. Вот мы с Роланом Быковым. А это Алла Баянова. Многие приезжают. А недавно приходили с телевидения. Я предложил им сделать передачу под названием «Песни в 90 лет». Ведь 21 марта мне стукнет 90. Но больше их почему-то не было. Не пришли. А вы знаете, сколько у меня записано бобин? Идите сюда, посмотрите. Все, что в этом углу у меня свалено — это все записи. Сотни песен. Разве они никому не нужны?

— Скажите, когда вы вышли на пенсию?

— На пенсию? Давно. Уже и не помню. Лет пятнадцать назад, наверное.

Ему приходит множество писем. «Вот это только за нынешний месяц», — вытаскил он из какого-то ящика пачку. Я перебираю конверты. По их обратным адресам можно изучать географию страны. А прямой адрес правильно написан не всегда. Случается и просто такой вариант: «Магадан, Козину». И

еще проще: «Козину». Даже без города. И, представьте, доходят.

— Можно почитать какое-нибудь письмо?

— Прочитайте. Только осторожно. Каждое письмо это ведь человеческая жизнь. Много людей и познакомились друг с другом через мои письма.

«Мой дорогой Вадим Алексеевич! Когда Вы выступали в Москве еще до войны в кинотеатре «Колизей», я не смогла туда попасть, и вот очень рада, что довелось видеть Вас по телевизору. Со слезами на глазах слушала Вас. Вспомнилась юность. Я

Вадим
Алексеевич
Козин
у себя дома

никогда не сравню Вас ни с кем. Вы — единственный».

— *Вадим Алексеевич, Вы отвечаете на письма?*

— Нет. Я уже ничего не вижу. Мне три раза в день надо ходить закапывать в глаза. Только не путайте мне письма, не путайте их. Вот этот конверт вы откуда взяли?

— *Это салфетка...*

— А...

Козин исколесил всю страну. Его концерты собирали тысячи людей и давали театру хороший сбор. Сейчас он тоже заходит в свой театр. Поднимется по лестнице, войдет тихонечко в зал, постоит, послушает немного, потом повернется и уйдет.

— Вы знаете, в нашем театре не стало даже пианиста. Вот до чего докатились.

— А нравится вам современная эстрада?

— К сожалению, нет. У нас не стало настоящих голосов. Вы заметили, что большинство песен делается у нас на две четверти: та-та, та-та... А вальса, например, нет. Потому что вальс надо выпевать. Для него голос нужен. А наша эстрада стала безголосой. И никто этого почему-то не замечает.

— *Расскажите, как проходит у вас день.*

— В основном занимаюсь своим котом. Встану, приготовлю ему завтрак. Потом в магазин схожу, ему ведь свежей рыбки

подавай. Ну и себе молоко куплю. Потом иду в глаза закапывать. И сажусь к телевизору. А вечером начинаются звонки. И начинают приходить люди. Попросят спеть. И я пою.

ОТЧЕГО ЗАКРЫЛАСЬ ОХОТА НА МАМОНТОВ?

Последние мамонты вымерли около 10 000 тысяч лет назад — об этом свидетельствуют анализы их останков, выполненные очень точным радиоуглеродным методом. Вечная мерзлота дала нам возможность точно воспроизвести облик мамонтов, ибо именно она надежно законсервировала несколько экземпляров этого древнего животного, в разные годы найденных в Сибири и на Аляске. Лучшие из них подарили научному миру при токи Колымы: так называемый березовский мамонт, обнаруженный экспедицией Санкт-Петербургской Академии наук 1901—1902 года, стоит сейчас в Зоологическом музее города на Неве, а «мамонтенок Дима», выпавший из-под ножа бульдозера при работах на прииске под Сусуманом в 1977 году, путешествует теперь по выставкам многих стран.

Недавно любознательность подарила науке новую неожиданность. Молодой сотрудник заповедника на острове Врангеля, не зная, очевидно, о том, что момент исчезновения мамонтов многократно и точно определен, направил на анализы найденные там зубы этого животного. И оказалось, что им «все-

го-навсего» 4 000 лет! Это была сенсация, и она сразу обошла всю мировую научную печать.

Но знаете ли вы, что на мамонтов охотятся и сейчас? И что именно поэтому в тех регионах, где они могут быть обнаружены, введены строгие правила, регулирующие их добычу и использование?

Конечно же, речь здесь идет уже не о самих мамонтах, а об их бивнях — ценнейшем естественном поделочном материале, из которого изготавливают сувениры самого широкого профиля. Сегодня я предлагаю вашему вниманию интервью со специалистом по современному мамонту. Против обычая имя его названо не будет. Это его просьба. И еще — диктат обстоятельств. Как говорят французы, такова жизнь.

— Давайте начнем с такого вопроса: где сейчас «воются» мамонты?

— Существует карта природных ресурсов региона. Она отражает всю гамму местных богатств, в том числе и по бивню мамонта. Кстати, я один из авторов именно этого раздела по Магаданской области. Из карты видно, что основные «мамонтовые места» располагаются в низовьях рек, впадающих в Колыму. Вообще Колыма, пожалуй, самый богатый на залежи бивня регион — может быть, даже в мире.

А вообще ареал распространения мамонта очень обширен. В Сибири, например, он простирается от полярного побережья аж до

Амура. Между прочим, работая с бивнями, я всегда удивлялся их разнообразию, и только из зарубежной литературы потом узнал, что это животное в свое время было представлено множеством разновидностей.

— Значит, добыча мамонта сейчас, как и тысячи лет назад, целиком зависит от удачи? В таком случае здесь уместен был бы вопрос о ее величине.

— Однажды за три дня нам удалось добыть 300 кг бивней. Это очень хороший результат. Но это было давно.

Где и как добывается бивень? Обычно этот материал вымывает река. То, что размывается, это даже не водяная линза, а илистое отложение в вечной мерзлоте. Оно оттаивает на сантиметр в год и представляет собой как бы замерзший пластилин. Мы как-то попробовали поковырять его, но лучше бы это был бетон — его хоть и трудно, но можно отколоть. Здесь же он и не откалывается, и не долбится, и не копается. Его можно одолеть только оттайкой. И даже если из него торчит бивень, его нельзя вытащить ни ломом, ни трактором. По виду это грязь, и когда река ее подмывает, разлагающиеся органические останки разносят вокруг зловоние. Здесь и можно найти бивень высокого качества. А если он отнесен рекой далеко от такого отложения, то он уже непригоден для качественной обработки, ибо вода и солнце постоянно разрушают пористую структуру бивня. То есть брать бивень желательно сразу

после вымывания его из вечной мерзлоты. И даже в этом смысле он сродни дереву: его приходится так же медленно просушивать.

— А когда мамонтового ажиотажа не было, достать бивень было, наверное, нетрудно?

— В якутском Колымторге его принимали по цене 2 рубля 73 копейки за килограмм. Причем потом даже перестали это делать, потому что его скопилось очень много. Ходили даже слухи, что его возили «Камазами», но своими глазами я этого не видел. Я знаю, что одна из союзных организаций вела заготовку этого сырья на побережье Ледовитого океана: во время отлива на обнажившемся песчаном дне хорошо в бинокль были видны вымытые водой бивни.

Однако все это было в старые времена. А когда на бивень начался спрос, цены на него сначала поползли вверх, а потом просто подскочили. Тогда-то и пришли в движение все запасы, которые в течение многих лет пылились по чердакам и подвалам. Между прочим, тут надо учитывать такой момент: в Якутии, я думаю, его запасы больше, чем в Магаданской области, но добыто его больше именно на Колыме. Это объясняется тем, что здесь перелопачено больше земли — результат многолетней золотодобычи.

— А сколько бивень стоит сейчас?

— Тут исходить можно из стоимости клыка моржа. Когда хлеб стоил 16 копеек, его цена равнялась трем рублям за килограмм. Сейчас он стоит около 30 тысяч. Бивень мамонта

ценится несколько дороже, но на его цену уже сильно влияет качество. Она может колебаться от нуля за потрескавшийся и не годный даже для изготовления пуговиц бивень до десятков тысяч за тот, который специалисты называют «маслом» — он и по цвету и по структуре похож на него.

— Изделия из бивня, конечно, уже значительно дороже?

— Разумеется. Вырезанный из бивня мамонт размером со спичечный коробок продается уже за 15—20 тысяч рублей.

— Скажите, если бы я шел по тундре и вдруг нашел бивень — я мог бы его взять себе?

— Согласно закону вы должны заявить об этой находке, если это случилось сейчас, а не 20 лет назад, когда законы в этом отношении были не так строги. Если же вы нашли нечто уникальное — например, «мамонтенка Диму» — то это вам уже не принадлежит. Вы имеете в этом случае право на премию — бульдозерист Логунов за Диму получил тогда 500 рублей — но сама вещь уже не ваша. Хотя положение на эту тему не имеет четкой формулировки. Границы таких понятий очень размыты.

— Сложен ли вывоз изделий из России?

— Сложен, и сложности эти мне кажутся неоправданными. Лицензировать вывоз сырья наверняка нужно. В самом деле, зададим такой вопрос: если, к примеру, наш лес это общенародное достояние, то что такое табуретка, сделанная из этого леса? Очевидно,

что ее цену должно определять уже не государство, а рынок. Кроме того, в вопросе вывоза изделия из страны существует еще проблема уровня его художественной ценности, а здесь наш бюрократический аппарат занимает уже откровенно рекетирскую позицию.

— На внешнем рынке наши изделия пользуются спросом?

— Во многих странах законодательство запрещает изделия из убитых животных, поэтому вывоз изделий из бивня часто бывает затруднен.

— Но ведь мамонта не пришлось убивать, он сам вымер как вид.

— Правильно. Однако в таких странах, как, например, Китай или Корея, о нем не знают вообще. И на естественный вопрос их таможенника, к какому классу относится это животное, наш представитель должен дать столь же, казалось бы, естественный ответ: к классу слонов. И тогда таможенник тут же закроет товару путь. Он просто не знает, что этот вид вымер, у него в списках его просто нет. Так что там тоже многое зависит от везения.

— Вам нравится бивень как материал?

— Нравится. Я думаю, пластмассу в какой-то мере симпатичную, тоже можно подобрать, но бивень совершенно неповторим. Бивень красив глубоким рисунком, неповторимой в каждом отдельном случае сетчаткой. Кроме того, этот материал раритетен, он

«Мамонто-
нок Дима» —
уникальная,
единствен-
ная в своем
роде
находка

соприкасается с вечностью. Кость всегда теплая, ее приятно взять в руки. Создать искусственно все это просто нельзя.

— Для поделок у мамонта используется только бивень?

— Он лучше всего сохраняется. На втором месте — зуб. Скелетная кость быстрее разлагается. Еще реже можно встретить шкуру. А что касается мяса, то если оно и появится на свет Божий, то зверье его тут же съест. Ибо это то же самое мясо, только дольше пролежавшее в естественном морозильнике.

— А цельные туши попадают?

— К нам приходили люди и предлагали такие вещи — якобы они знают, где лежит целый мамонт. И стоит он столько-то миллионов долларов. Но это просто несерьезно. Я

думаю, что и бюджет целой области не способен был бы потянуть такую пошу. Тем не менее, я слышал, что подобного рода предложения якобы обсуждались даже на уровне областного руководства.

— А как вы сами стали «охотником на мамонтов»?

— Я проработал в высшей школе 23 года. Потом я оказался на перепутьи, мне предложили заняться сувенирным камнем. Я давно увлекался этим делом — до той поры много лет был любителем, потому посчитал такое приглашение интересным. Мы создали прекрасную мастерскую. Наряду с камнем мы тогда привлекли в качестве материала и кость, поначалу только моржовую. А потом перешли на мамонтовый клык. Он был совершенно новым сырьем, с ним не работал тогда никто, и чтобы запастись им, нам пришлось отправиться в экспедицию. Два сезона мы провели в Якутии и хорошо пополнили свои запасы. Тогда границы этой республики существовали еще только на карте, и не было никаких ограничений в деле изыскания и добычи бивня. Сейчас все это уже изменилась. Сейчас государственные структуры и в Саха, и в Магадане издали декреты, которые монополизуют этот промысел и этим самым убивают его. Если в отношении золота монополизм еще можно понять, то к бивню он неприменим, ибо единственный способ его получить — это поиск. Его можно найти, но можно ведь и не найти. И вот результат

введенных ограничений: еще недавно вокруг пантов оленей, медвежьей желчи и бивней мамонта был настоящий бум, а теперь его уже нет. Теперь все это никому не нужно. В том числе и изделия из бивня. Даже рынок сбыта пропал. Цены на бивень у нас стали даже выше мировых. Иными словами, ни покупать, ни продавать его уже не выгодно. А сейчас и изделия из него из-за бремени налогов стоят бешеных денег. Поэтому производство сувениров упало почти до нуля. У нас в мастерской когда-то было до 30 резчиков, сейчас их нет. В последние годы закрылись многие такие мастерские. И остались без дела многие и многие мастера. А есть люди очень талантливые. Сейчас они ходят и ищут работу.

— Таким образом можно констатировать, что мамонтовый рынок уже почти свернул свою деятельность?

— Да. Запросы наших богатых сводятся сейчас к машине и видуку, а до художественных ценностей они пока не поднялись. К сожалению.

между прочим...

«Только самолетом можно долететь» — эта строчка из известной нашей песни применима в сущности ко всему Северу. Однако бывают случаи, когда гигантские расстояния эти преодолеваются и пешком — как несколько лет назад это сделал рабочий завода «Ростсельмаш» Володя Комарицких, задумавший путешествие из самой западной точки СССР.

На такой подвиг отваживаются единицы.

Однако для своего предприятия Владимир неудачно выбрал и страну, и время. Позади у него было уже два года пути и одиннадцать тысяч километров, когда на подходе к чукотской пограничной зоне его неожиданно остановили. Официальная версия гласила, что у него нет специального пропуска. Истинная же причина заключалась в том, что в областных административных структурах не нашлось ни одного человека (ни одного!), который взял бы на себя ответственность за это путешествие в случае его неудачи. Рисковать креслом не захотел никто.

ЧТО ЗАПИСАНО В ФОРМУЛЕ ЖИЗНИ?

Живые организмы на Севере демонстрируют поразительную жизненную силу.

Когда с абсолютно голой тундры сходит снежный покров, вдруг обнаруживается, что это вовсе не равнина, а лес. Только высота его — несколько сантиметров: стволы деревьев, которые толщиной-то всего в палец, едва выйдя на свет Божий, поворачивают параллельно земле и вгрызаются в нее, ища в ней защиту от свирепой стихии. Какая сила привлекает их к вечной мерзлоте?

Цветы начинают всходить здесь еще при минусовой температуре, а семена они разбрасывают уже на снег. Они торопятся: на весь жизненный цикл им отпущено всего-навсего полтора месяца. И они успевают! Какая сила научила их этому?

Белые гуси начинают высидывать яйца, когда еще метет пурга. Бывает, что они гибнут в таком ненастье тысячами, но на следующий год снова летят на свое северное гнездовье выводить и выращивать потомство. Какая сила гонит их сюда из благословенной Калифорнии?

Сегодня мы поговорим именно на эту тему, но на примере северного оленя. Это животное совершенно удивительным образом приспособилось к жизни в условиях Арктики.

А собеседником нашим будет старший научный сотрудник лаборатории экологии Института биологических проблем Севера в Магадане, доктор биологических наук Александр Яковлевич Соколов.

— У оленя выработался целый механизм приспособления к экстремальным условиям Севера. Но Север ведь это не только холод. Здесь на организм действует целый комплекс факторов, и адаптироваться, т. е. приспособиться надо ко всему этому разнообразию.

Однако прежде, чем приступить к рассказу об олене, позволю себе сделать маленькое, но очень важное отступление. Дело в том, что в основе адаптации любого организма лежит принцип энергетического баланса. Что это означает? Это означает, что расход и приход энергии должны правильно соотноситься. Если расход энергии больше, чем приход, то организм погибает. Наверное, это понятно?

Между прочим, то же самое происходит и в экономике. Я уверен, что если бы наши экономисты хорошо знали законы природы, то и общество наше меньше мучилось бы. Дело в том, что в природе действует закон минимизации энергии. Он гласит, что те виды, которые меньше ее потребляют, имеют преимущество перед теми, у кого потребности больше. Именно по этой причине рухнул тот социальный строй, который существовал у нас семь десятков лет — он не выдержал конкуренции более экономичных систем. Ко-

нечно, и тогда были люди, которым жилось неплохо, но общий энергетический баланс общества был отрицательным.

— Это очень неожиданная логика. И она очень похожа на истину, ибо заставляет задуматься. Но давайте вернемся к оленю.

— Когда около 600—700 тысяч лет назад в наших местах произошло похолодание, оно не могло не отразиться на животном мире. Одни виды постепенно вымирали, как это произошло с мамонтом, другие ушли к югу — так поступили сайгаки, которые обитают сейчас в казахских степях. А вот олень перестроился. И потому выжил.

Какие изменения происходили в организме оленя после наступления похолодания? Прежде всего, ему требовалось увеличить количество тепла. Но как это сделать при крайне скудной кормовой базе? И у оленя появляется более мощный волосной покров, который увеличивает теплоизоляцию. А площадь тела с этой целью начинает уменьшаться. Обратите внимание, например, на его более короткие по сравнению с другими копытными ноги. Все это способствует сбережению энергии.

Дальше. Оказалось, что у оленя даже при быстром движении не обмараживаются дыхательные пути и легкие. В носовых пазухах у него, как выяснилось из наших исследований, присутствуют раковины, обильно пронизанные кровеносными сосудами. Они, во-первых, значительно удлиняют путь воздуха и, во-вторых, согревают его. Но и этого

мало — при выдохе они еще и конденсируют в себе влагу, которая содержится в воздухе, и этим экономят воду, содержащуюся в организме. Причем, немало — до 80 процентов ее. А это тоже сбережение энергии, ибо для добычи воды она оленю неизбежно потребовалась бы. У человека все это начисто отсутствует.

Кстати, если мы уже заговорили о дыхательной системе, то небезынтересно будет отметить, что у северных животных вообще резко уменьшен по сравнению с другими объем вдыхаемого воздуха. Но в этом случае может наступить кислородное голодание. И вот для компенсации такой потери природа устроила их легкие так, что площадь соприкосновения воздуха с кровеносными сосудами в них увеличена и облегчена. Подобная система адаптации недавно обнаружена у людей, издавна населяющих Север — у якутов, эвенков и т. д. Что же касается тех, кто на Север переселился недавно, то у них кислородная компенсация происходит за счет увеличения интенсивности дыхания. А это вызывает дополнительную нагрузку на сердце. Отсюда и наши инфаркты.

Но это уже — между прочим. Подводя же сейчас итоги нашего разговора на тему о сохранении оленем тепла в собственном организме, следует сказать, что в длительном процессе адаптации к северным условиям это животное достигло такого совершенства, что

понижение температуры даже до минус 60 градусов не вынуждает его расходовать дополнительную энергию. Абсолютно!

— Однако источники энергии дыхательной системой не исчерпывается. Не менее важно еще и питание.

— Зимой у оленя в этом смысле существует даже две сложности — и природный недостаток корма, и трудность его добывания. В это время он питается почти исключительно ягелем, который достает из-под снега. И вот еще одна неожиданность: на передвижение, на поиск корма и его добывание у северного оленя расходуется всего-навсего 2—3 процента от общего бюджета энергии. А занимается он всем этим половину времени. Вот образец минимизации затрат!

Но у оленя ведь есть и еще один источник энергии. Он пополняется летом, когда в течение короткого времени животное создает в своем организме тот самый запас, который как раз и позволяет ему выжить в самое неблагоприятное и самое долгое время года. И вот именно летом-то олень включает в работу совершенно противоположный механизм — механизм максимизации функций. Он жадно набрасывается тогда на всю ту зелень, которую рождает тундра, в погоне за нею он становится буквально неуправляемым. Объяснение этому простое: зимнее питание ягелем порождает в организме животного дефицит необходимого ему для жизни азота — вот на летней травке он его и восполняет.

Иными словами, олень летом не только восполняет потери прошлой зимы, но и готовится к будущей. Чем больше запасов он создает за лето, тем больше шансов у него выжить зимой. Таким образом, и в этом случае все объясняется величиной энергетических затрат.

— Значит, вся жизнедеятельность любого организма регулируется законом энергетического баланса?

— Конечно.

— И существует какая-то единица, которой измеряется жизненная энергия?

— Да. Ее наименование — килоджоуль.

— И для всякого живого существа такой баланс вполне просчитывается?

— Это выглядит сейчас уже просто как обыкновенная бухгалтерия. Точно так же, как для предприятия рассчитываются его доходы и расходы. Отличие только в том, что в одном случае это джоули, а в другом рубли. И еще в том, что предприятие при необходимости может занять деньги, а в природе этого нет. В природе организм гибнет, если ресурс кончился.

КТО ПРЕРВАЛ МЕТЕОРИТНЫЙ ДОЖДЬ?

Метеориты падают на землю каждый день, но находят их крайне редко.

Всесоюзная коллекция метеоритов (термин, конечно, устаревший, но что поделаешь?), в которой представлены все «небесные камни» одной шестой части суши, собранные за последние два столетия, не дотягивает и до двухсот экземпляров. Но вот что интересно: заметная часть этой коллекции — целых 17 метеоритов! — приходится на наименее изученный, наименее освоенный и наименее заселенный регион — на северо-восточный угол России. Чем это объясняется?

— У нас ведется добыча золота, — отвечает на этот вопрос ответственный секретарь региональной комиссии по метеоритам и сотрудник музея Северо-Восточного НИИ в Магадане Герман Федорович Павлов. — Большинство из тех небесных пришельцев, которые собраны здесь, были обнаружены при горных разработках или попались в промысловые приборы. Метеорит «Алискерово», например, сначала был принят за большой золотой самородок. Кстати, этим объясняется и другой феномен нашей коллекции: из 17 наших метеоритов 16 железные, и только один каменный, хотя обычно пропорция эта имеет обратный характер — железные метеориты крайне редки.

Как метеориты попадают в музеи? В каждом случае это своя история, и почти каждая из этих историй бывает очень похожа на детектив.

Летом 1965 года женщина-геолог из Москвы в районе Верхоянского хребта встретила подозрительную глыбу, вес которой она оценила в 500 кг. Отколов от нее кусочек, она положила его в рюкзак и продолжала свой путь. Нашла она этот кусочек у себя дома лет пятнадцать спустя и решила отнести его в Комитет по метеоритам Академии наук СССР, ибо уже тогда предположила, что имеет он неземное происхождение. Специалисты с первого взгляда оценили значение этой находки и попросили магаданцев организовать поиск и доставку метеорита, который по названию ближнего поселка получил теперь имя «Жиганск».

— Мы провели целых три экспедиции в этот район, и все три не дали результата, — рассказывает другой сотрудник этого же музея Борис Геннадьевич Жуланов. Причем в первой из них участвовал человек, хорошо знающий местность, а во вторую и третью мы брали с собой миноискатель, который очень чувствителен к железу. Но нет — метеорит как сквозь землю канул. Так и остался от него только один кусочек весом в 32 грамма в московской коллекции и одно только имя — в нашей.

Между прочим, метеориты делятся не только на каменные и железные. У них есть

еще и другая классификация: они разделяются на находки и на падения. В первых случаях, как это было с «Жиганском», совершенно неизвестно, сколько времени метеорит пролежал на нашей грешной Земле, во втором же... Впрочем, это уже новая история.

В 5 часов 10 минут утра 16 мая 1981 года пастух-коряк Иван Тынавье своими глазами увидел летящий метеорит и запомнил ту долину, где он встретился с землей. Попал он туда только через год и сразу увидел этот 350-килограммовый камешек. Он отколол от него пару кусочков и отнес их к себе в ярангу. Как вы уже, наверное, догадались, они должны были пролежать здесь еще несколько лет, пока совхозный зоотехник, случайно захвативший в бригаду, не задал Ивану сакраментального вопроса: «А что это там у тебя лежит?»

— Это метеорит, — спокойно ответил пастух.

Зоотехник увез с собой оба кусочка, и каждый из них стал героем уже нового детектива. Тому обломку, который геологи Эвенска приняли за деталь обшивки космического корабля, пришлось с помощью КГБ развить сюжет из серии «Совершенно секретно», второй же стал жертвой авантюристов, которые предприняли попытку хорошо на нем подзаработать. Однако финал романов оказался общим: дело закончилось тем — что уникальный этот метеорит, получивший назва-

ние «Омолон», был на вертолете доставлен в магаданский музей и лежит теперь там неподалеку от входной его двери.

Добавим: к счастью для науки. Ибо он оказался действительно редчайшим экземпляром, относящимся к классу каменно-железных метеоритов, которые еще носят название палласитов. Термин этот своим рождением обязан российскому академику Петру Палласу, нашедшему два века назад под Красноярском так называемое «палласово железо» — вообще первый в мире метеорит, с которого и началась наука метеоритика. И хотя с той поры во всем мире найдено уже немало небесных пришельцев, каменно-железных все же и сейчас насчитывается лишь несколько штук. А «Омолон» — это первое зафиксированное падение палласита за последний век.

Ко всему этому остается добавить удивительный возраст его — 5,6 миллиарда лет — это даже старше нашей матушки Земли! — чтобы стало окончательно ясно: метеорит «Омолон» — это находка века.

Однако некоторым метеоритам подобные приключения совершенно неведомы. Так случилось с «Ойягорским Яром», который на берегу Ледовитого океана попался под ноги магаданскому геологу Вадиму Кондратьевичу Рябчуну. Попался в обоих смыслах — и в прямом, и в переносном. Ибо специалист, конечно же, знал, что если в местности, на сотни километров сложенной из одних только лессовых отложений, вдруг обнаруживается

камень, то этому может быть только два объяснения: или его сюда привезли, или он упал с неба. Первое исключалось, поэтому оставалась только метеоритная версия. И анализ подтвердил ее. Так в Магаданской коллекции появился единственный пока каменный метеорит.

История, как видите бесхитростная, но людям любознательным ее следует намотать на ус. Дело в том, что на Земле есть места, которые являются ловушками для метеоритов — они здесь становятся заметны. Такой ловушкой стал, например, панцирь Антарктиды. Если на поверхности этого льда, или в нем самом, лежит камень, то можно быть совершенно уверенным, что это метеорит. Такой же эффект может быть в песчаной пустыне, в болоте или в любой другой однородной среде, которая по природе своей исключает присутствие камня. Так что будьте внимательны!

Кстати, а существуют ли надежные способы распознавания метеоритов? Нельзя ли перепутать «небесные камни» с теми, из которых сложены наши горные породы?

— Эта методика уже отработана, — говорит Г. Ф. Павлов. — Есть множество признаков, характерных только для метеоритов — это и внешний вид со следами оплавленности, это и корка закаливании, образующаяся при нагреве метеорита в атмосфере, это и обязательное присутствие никеля и других элементов в его составе. Все

анализы мы делаем на месте — в нашем институте прекрасная лабораторная база. К нам люди частенько приносят то, что они принимают за метеориты, и в каждом таком случае мы даем им квалифицированный ответ. К сожалению, он почти всегда отрицательный — желаемое люди часто принимают за действительное — но что тут поделаешь, метеорит ведь — огромная редкость. Труднее дело обстоит с письмами, в которых указывается место или район падения метеорита — мы не всегда имеем возможность прибыть туда для проверки версии. Особенно сейчас, когда все стало так дорого.

Любопытная это тема — метеоритная экономика. Вот ведь как получается: сам метеорит бесценен, а на поездку за ним не хватает суммы, которая по сравнению с его стоимостью просто микроскопична. Да, метеориты цены не имеют. Она может появиться у них только при обмене одного экземпляра на другой (такая практика существует в общении музеев), и то в качестве эквивалента — если, скажем, в обмене участвуют неравные экземпляры. Даже у такой величайшей редкости, каковой является лунный грунт, есть вполне определенная стоимость — ее легко подсчитать по затратам на запуск ракеты к Луне и на возвращение ее на Землю. А как определить стоимость метеорита? Скажем, того же «Жиганска», который остался лежать где-то в отрогах Верхоянского хребта и от которого имеется в наличии

только кусочек? Или «Билибино», всю тонну которого экскурсанты магаданского музея имеют возможность потрогать собственными руками?

Этот метеорит, крупнейший из найденных железных метеоритов России, был обнаружен на глубине 13 метров при вскрышных работах на одном из приисков восточной Чукотки. Могучий «Катерпиллер» уперся тогда в него своим ножом и не смог даже сдвинуть. Когда очистили его от земли, то ахнули: по поясу этой глыбы висели сосульки — это железо начало плавиться при ее падении и застыло потом в таком виде. Но когда приехали за метеоритом, то глыба была уже голой, а возле нее стоял автогенный аппарат. По местному радио обратились с просьбой вернуть сосульки — объяснили, что подобного прецедента в метеоритике еще не было. Но ответа не дождались. Никто ничего не вернул. Спрашивается, какова же цена этой потери?

Когда везли «Билибино» в Магадан (а делалось это на грузовом самолете), то экипажу по дороге пришлось заночевать в одном аэропорту из-за погоды. Так наутро на метеорите нашли следы от зубила — кто-то пытался отколоть от него кусок. Если бы это удалось, то за сколько можно было бы его продать? И можно ли было? Скорей всего, человек этот просто показывал бы его гостям — знаете ли вы, мол, что это такое? Как показывает кто-то сейчас сосульки. Жизнь состоит именно из таких вещей: на одном ее

полосе ночной любитель экзотики с зубилом, а на другом — пастух, увидевший в пять утра необычное явление, понявший, что это метеорит, проследивший его путь, запомнив-

*Знакомьтесь:
собиратели
метеоритов
Герман
Федорович
Павлов
и Борис
Геннадьевич
Жуланов*

ший число, нашедший его и потом подаривший его миру. Кто из них прав?

«Метеориты — пока единственные достоверные пришельцы из глубокого космоса. Они несут в себе исключительно ценную информацию о веществе Вселенной и о происходящих в ней процессах. Каждая новая находка такого рода — еще одна строчка в книге познания Мироздания». Так пишет в одной из своих статей Б. Г. Жуланов.

В 1977 году в магаданской коллекции метеоритов Северо-Востока России был один экземпляр. Прошел всего десяток лет, и она стала одной из лучших в стране. Такой результат уникален уже сам по себе. Однако подобные прецеденты не бывают случайностью. Они всегда — результат деятельности увлеченных профессионалов.

Но уже несколько лет в эту коллекцию метеориты не падают. Конечно, это можно объяснить — тем, например, что жизнь у нас нынче пошла наперекосяк. Что на науку денег не хватает. Что институт в трудном положении. Тем, наконец, что метеориты вообще находят очень редко.

Но ведь падают-то метеориты на Землю каждый день.

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ЗЕМЛЯ САННИКОВА?

Вам осталось прочитать последнюю главу этой книги, уважаемый читатель. Я долго колебался, ставить ли ее сюда — ведь на титуле стоит мое имя, а написана эта глава не мной. Но все же решился. Два момента оправдывают меня: материал этот очень уж хорошо укладывается в тематику книги, и написан он человеком, великолепно знающим предмет. Я надеюсь, что мой давний товарищ Сергей Аркадьевич КЕССЕЛЬ, начальник экспедиции «Север» Арктического и Антарктического НИИ в Санкт-Петербурге, простит мне эту вольность, тем более, что в свое время я первым опубликовал его гипотезу.

Итак, Земля Санникова. Кто не знает об этой полярной загадке — ей посвящены целые книги, о ней сняты киноленты. Но возможно, что именно эта глава открывает над старой тайной завесу.

Слово — Сергею КЕССЕЛЮ.

Шло лето 1988 года. Нашу дрейфующую научно-исследовательскую станцию «Северный полюс-30» неумолимо влекло в опасные объятия холодных полярных красавиц — Жаннетты и Генриетты. Острова с этими названиями были открыты экспедицией Джорд-

жа Де-Лонга больше ста лет назад. Несколько предыдущих станций подвергались реальной опасности столкновения с ними, а «СП-14» налетела-таки на Жаннетту, и ее начальник Ю. Константинов, чтобы определить расстояние, достреливал даже из ракетницы до земли. И вот сейчас туда же движется наша льдина.

Читаю свой дневник за 6 июля: «В направлении острова Жаннетты видна шапка облака, которая сама похожа на остров. Я всех взбудоражил, все на станции смотрят в ту сторону. До острова 115 км. Может, и Санников так же наблюдал острова Беннетта и Вилькицкого? Мы наверняка должны увидеть острова Де-Лонга, но с какого расстояния — вот что интересно».

Глубины падали день ото дня, а Жаннетты все не было. 14 июля до острова оставалось 96 км, через пять дней — 70. Потом льдина отошла от нее на 106 км. И вот в ночь с 8 на 9 июля он, наконец открылся — его увидели те, кто стоял на вахте. До острова было 78 км. Погода и видимость были прекрасными, и я потом попросил товарищей зарисовать его по памяти. Два рисунка были почти идентичны, но один из авторов сказал, что «остров чернел на горизонте», а второй — «синел в дымке». Люди не совсем одинаково воспринимают один и тот же реальный предмет. Получилось прямо по сержанту Степану Андрееву, который писал в своем донесении об увиденной им в 1764

году земле: «Не тот синь синее, не то чернь чернее».

Потом остров надолго пропал, и только 20 июля рано утром, искупавшись после зарядки, как обычно, в своей гидрологической лунке и выйдя совсем раздетым для большего удовольствия на ветерок, я, осматривая по привычке горизонт на западе, изумился: в конце нашего ледяного поля чернел какой-то камень.

Боже мой! Это же не камень, а остров! А вот правее еще один. Я был поражен, хотя и ждал этого каждый день. Острова были видны совершенно четко. Расстояния до них были 67 и 106 км соответственно. На этот раз картина открылась всей нашей станции, состоящей из 47 человек. Определить на глаз расстояние до какого-либо объекта в Арктике довольно сложно даже опытному наблюдателю. Например, практически весь персонал станции нашей, и я в том числе, наблюдая остров Жаннетты, никак не мог поверить тому, что до него почти 70 км. Всем казалось, что между нами не больше двадцати, и что стоит побегать, как за несколько часов доберешься до этого кусочка суши. И это при том, что свои координаты мы знали точно, и карты у нас были проверенные. Но у Арктики свои особенности. Известный наш штурман Валентин Иванович Аккуратов писал об этом: «Любопытное явление: на высоких широтах чувства вступают в острый конфликт с расчетами. Расчеты неопровержимо по-

казывают одно, а чувства упорно твердят другое».

Теперь почти каждый день я зарисовывал остров Жаннетты. Потом сравнил свои рисунки с натуры с рисунками своих товарищей по дрейфу — ну ничего общего! Каждый изображает предмет по-своему. Это необходимо иметь в виду при анализе прошлых открытий исчезнувших земель. Полностью доверять можно только рисункам, сделанным с натуры.

Из книг, дневников, отчетов и рассказов многих популярных путешественников мы знаем, что землю или какие-либо объекты в Арктике можно увидеть на значительных расстояниях, превышающих предельную расчетную дальность видимости. Все зависит от конкретных условий — облачности, состояния атмосферы, освещенности объектов. Вот что пишет руководитель экспедиции 1809-11 гг. М. М. Геденштром, исследовавший район к востоку от устья реки Лены: «Весной вообще все предметы на море в чрезвычайно далеко видны... В то время, когда уже поверхность снега начинает несколько таять, с матерого берега Сибири через все море в 450 верстах (480 км) видны иногда бывают горы на Новой Сибири, которые только вышиною не более 30 саженей. Чему сне приписать? Или особенному преломлению лучей, выходящему уже из известных правил, или большей сплюснутости земли с приближением к полюсу».

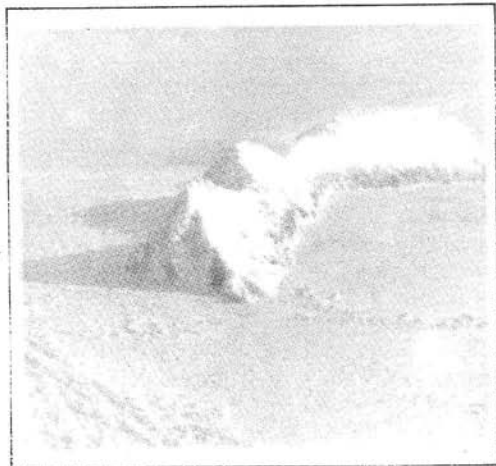
Эти примеры можно продолжить. Более чем за 100 км видел землю Фредерик Кук. В 160 км от материка, по свидетельству Сарычева, видели горы острова Врангеля. И т. д. А что же все-таки видели промышленник и активнейший участник экспедиции Геденштрёма Яков Санников в 1810 и 1811 годах? На этот вопрос пытались ответить многие авторы статей и книг, полярные путешественники и ученые. Так уж устроены люди: загадки, возникающие в той или иной области их деятельности, будоражат умы, заставляют искать ответы.

Их было несколько — арктических гипотетических земель: земли Андреева, Джиллиса, Санникова, Петермана, Президента, Кинена, Макарова, Гарриса, Крокера, Брэдли, шхуны «Крестьянка», полярников и другие. Меня вопрос о загадочных землях волнует уже давно, но высказать в печати свое мнение считал возможным только после достаточного, надеюсь, изучения материалов, главным образом первоисточников, да приобретенного в арктических экспедициях опыта. Предположения мои укрепились во время зимовки на о. Жохова, а затем переросли в уверенность на «СП-30». С о. Жохова, нам не раз доводилось наблюдать расположенный в 45 км к юго-западу от него островок Вилькицкого. А почему бы и на значительно большем расстоянии не увидеть другие острова, думал я тогда. В ту зимовку этого не получилось. Зато повезло на «СП-30».

Прежде всего, следует сказать, что так называемая Земля Санникова была не одна — их было три. Об этом свидетельствуют отчеты той экспедиции, в которой участвовал Яков Санников. И видел он их в разное время и с разных мест.

Вряд ли он принял за землю испарения над полыньей. Санников был опытным полярным путешественником, имевшим на своем счету открытые острова. Может быть, это был мираж? Тоже вряд ли. Пожалуй, первым человеком, высказавшим мнение о том, что Санников мог видеть с мыса Благовещенского остров Беннетта, а с мыса Каменного — острова Генриетты и Жаннетты, был ученый

*Замерзшая
земля
в беспредельных
пространствах
замерзшего океана —
немногим
людям
открывался
этот
фантастический
пейзаж...*

секретарь Русского географического общества А. В. Григорьев. Но он не мог еще знать об открытых Гидрографической экспедицией Северного Ледовитого океана островах Вилькицкого и Жохова — это случится позже, лишь в 1913-1914 годах. Я полагал, что именно их и увидел первым Яков Санников еще в 1810 и 1811 годах. Именно они и являются Землями Санникова, которые ищут уже почти два столетия.

Приведенные выше примеры, на мой взгляд, убедительно говорят о том, что по крайней мере в районе Новосибирских островов увидеть Землю на расстоянии более ста километров не проблема. Кстати, если в формулу по определению видимости предмета подставить известные нам величины, то получится, что острова Беннета и Вилькицкого, которые видел Санников, и острова Жаннетты и Генриетты, наблюдаемые нами с «СП-30», находились в сущности на одинаковом расстоянии.

Одним из подтверждений существования Земли Санникова Э. Толль, В. Обручев и другие считали то, что в северном направлении от Новосибирских островов летит много птиц, а на припайном льду наблюдаются следы оленей, направляющихся в море. Так, Обручев в послесловии к своему роману «Земля Санникова» писал: «Пролет птиц на Север, замеченный еще в 1938 году зимовщиками на острове Генриетты, доказывает, что какая-то земля, удобная для летовки и

гнездования, на севере среди льдов существовала». Летом на острове Жохова мы постоянно наблюдали, как птицы летят не только на север, где в разводьях ищут себе корм, но и возвращаются к своим гнездам обратно. Животные и птицы в Арктике ждут, плывут и летят к разводьям и полыньям, а не обязательно к какой-то земле.

Небезынтересно, очевидно, будет упомянуть и о найденном нами в южной части о. Жохова стоянке древнего человека. Изотопный анализ обломков рогов оленей и костей медведя, подобранных здесь, показал, что жили они около 8000 лет назад. Последующие археологические раскопки подтвердили это. По-видимому, в те далекие времена острова были северной частью материка, а после опускания суши и подъема уровня моря над водой здесь остались лишь отдельные возвышенные участки.

Относительно других гипотетических земель можно предположить, что многие из них в действительности были дрейфующими ледяными островами, то есть огромными плавающими либо сидящими на мели льдинами толщиной 30-60 метров, отколовшимися от шельфовых льдов северного побережья острова Элсмira. В прошлом шельфовые льды занимали гораздо большую площадь в Ледовитом океане. На ледяных островах базировались американские, советские и канадские станции. Это очень надежные платформы для производства научных наблюдений, но до тех

пор, пока дрейф проходит на приличных глубинах. Сев на мель, ледяные острова разрушаются под напором льдов и течений, как это происходило с «СП-19», а «СП-24» едва избежала посадки на мель в районе архипелага Де-Лонга.

Но это уже другая тема.

О Г Л А В Л Е Н И Е

КУДА ИСЧЕЗЛА КАРТА КАПИТАНА БЭРРИ?	5
СКОЛЬКО ЛЕТ МОЖЕТ ПРОЖИТЬ ТРИТОН?	24
КАК ПЕРЕПЛАВЬ БЕРИНГОВ ПРОЛИВ?	30
ОТКУДА ПРИЛЕТАЮТ РОЗОВЫЕ ЧАЙКИ?	60
КАКОВА ЦЕНА СЕВЕРНЫХ СОКРОВИЩ?	66
КОГДА ВЕТЕР ПЕРЕХОДИТ В УРАГАН?	82
ГДЕ ИСКАТЬ САМОЛЕТ ЛЕВАНЕВСКОГО?	86
ВСЕ ЛИ РАССКАЗАЛО НЕТАЮЩЕЕ ОЗЕРО?	113
БЫВАЮТ ЛИ В АРКТИКЕ ИЗВЕРЖЕНИЯ?	121
ЧЕМ ЗАВЕРШИЛСЯ ПОИСК АМЕРИКИ?	127
МОЖНО ЛИ СНОВА ОТКРЫТЬ ПОЛЮС?	133
ПОЧЕМУ ФАНАТИКИ — ЛЮДИ ИЗБРАННЫЕ?	142
ЗАЧЕМ СОЛОВЬЮ ЗОЛОТАЯ КЛЕТКА?	149
ОТЧЕГО ЗАКРЫЛАСЬ ОХОТА НА МАМОНТОВ?	156
ЧТО ЗАПИСАНО В ФОРМУЛЕ ЖИЗНИ?	167
КТО ПРЕРВАЛ МЕТЕОРИТНЫЙ ДОЖДЬ?	173
СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ЗЕМЛЯ САННИКОВА?	182